

ГАЛИНА
ПАНЦ-
ЗАЙЦЕВА

КОНСУЛЬТАНТ:
ВИТА БАНГА,
ИСКУССТВОВЕД

ОСЕННИЕ КОСТРЫ

ВАЛДЕМАР ТОНЕ ЖИЛ И ТВОРИЛ В ЛАТВИИ В ТОТ КОРОТКИЙ И ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНЫЙ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМ, КОГДА КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТОГО БЕЗУМИЯ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ НИКОГДА, – А ПОТОМ ВСЕ ОПЯТЬ ПОВТОРИЛОСЬ. ИСТОРИЯ ЕГО ЖИЗНИ СООТВЕТСТВУЕТ ВРЕМЕНИ, КОГДА СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ, КАК ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ, УНОСИЛИСЬ ПРОЧЬ ПОД ЛЕДЯНЫМИ ВЕТРАМИ ИСТОРИИ И СГОРАЛИ В ЕЕ КОСТРЕ. НО ДО ЭТОГО – БЫЛИ И ВЕСНА, И ЛЕТО, И БУЙСТВО КРАСОК. И СЧАСТЬЕ, И ЛЮБОВЬ.

рано. Про таких детей говорят – поцелованный Богом. В доме всегда выписывали газеты и журналы. Валдемар сначала копировал журнальные картинки, а потом начал рисовать сам. Он изображал няню, маму, природу. Еще он страстно любил музыку и брал уроки игры на скрипке.

Родители делали все для того, чтобы дети получили хорошее образование и вышли в люди. И когда 17-летний Валдемар захотел учиться живописи в Риге, родители его туда спокойнопустили.

«МИР ДУХОВ» И РЕМБРАНДТ

В 1909 году Валдемар поступил в Рижскую городскую художественную школу. Начало XX века было для Риги поистине золотым временем. Городом толково управлял мэр Джордж Армитстед. Только что отстроили и распродали божественной красоты квартал в стиле ар-нуво, над отделкой которого работал Михаил Эйзенштейн. На улицах гудели клаксоны первых автомобилей-такси. В домах звенели телефоны, из кранов лилась горячая вода. Техника правила бал. И одновременно в моде было все мистическое.

Валдемар снимал комнату вместе с будущими инженерами, и все они

дружно увлекались спиритизмом. За одним круглым столом художники и инженеры вызывали духов и спорили о потустороннем мире, искали в нашем мире его проявления. И доискались до того, что через год Валдемар, страдающий от нервного истощения, вернулся в родной дом, чтобы восстановить силы. Не от лихой студенческой жизни с пирушками и долгами вернулся, а из-за попыток выразить на холсте красками невыразимое, может быть, голос подсознания – Фрейда они тоже читали. Он на несколько месяцев уехал в Петербург и целые дни проводил в Эрмитаже, чтобы познакомиться с работами старых мастеров – Тициана, Рубенса, Рембрандта. Его заворожала игра света и тени на полотнах Рембрандта. Он увидел в нем то, что искал сам – философскую глубину, иномирность. И навсегда влюбился в старых мастеров.

ПУТЕШЕСТВИЕ

В 1911 году Валдемар вернулся в Художественную школу. Он учился у мэтров: Пурвитиса – любителя пастельных тонов и природы, Розенталя – певца югенда, и Тилбергса, склонного к консерватизму. Они казались ему мудрыми и знающими, но несколько устаревшими. В 1913 году старший брат, ►

ПОЦЕЛОВАННЫЙ БОГОМ

Валдемар родился в 1892 году в зажиточной крестьянской семье в местечке Анниньки. После смерти жены его отец женился вторично. Валдемар был его сыном от второго брака. 12 братьев и сестер от двух браков росли вместе и поддерживали друг друга. Умение ладить с людьми и дружить у Валдемара оттуда – из шумного и многолюдного родного дома.

Воспитывала его няня, она и стала его первой моделью. Страсть к рисованию у мальчика проявилась

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ, 1920 г.

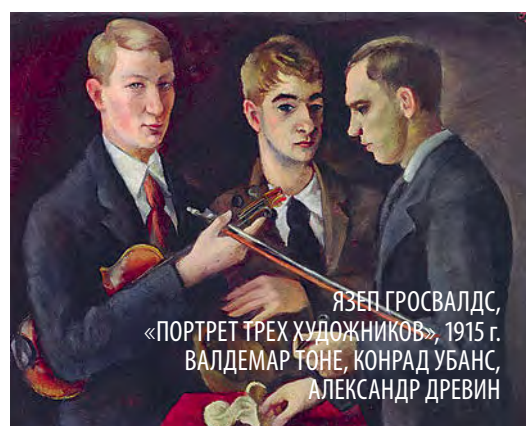

НАТЮРМОРТ, 1918 г.

ПОРТРЕТ АЛВИНЫ СТРИКЕ,
1916 г.

ЯЗЕП ГРОСВАЛДС,
«ПОРТРЕТ ТРЕХ ХУДОЖНИКОВ», 1915 г.
ВАЛДЕМАР ТОНЕ, КОНРАД УБАНС,
АЛЕКСАНДР ДРЕВИН

капитан торгового флота, позвал его с собою в плавание. Обожающий приключения Валдемар мгновенно собрал чемоданы. И вот перед ним уже – Северная Африка, Сицилия и Марсель, Малага, Барселона и Ницца.

В сентябре Валдемар вернулся в школу, дочерна загорелый, полный впечатлений, осмелевший и готовый бросить вызов академизму. Он подружился с Язепом Гросвальдом, представителем новой волны в латвийской живописи, который мыслил шире, чем остальные рижские художники, и смело смешивал краски на полотне. Увы, эксперименты Гросвальда многим казались «ученической мазней». Валдемара одновременно влекли и свободное самовыражение Гросвальда, и глубина старых мастеров. Он искал свой стиль.

Когда в августе 1914 года началась Первая мировая война, никто не думал, что это затянется. Ждали, что бои утихнут к зиме. Но оказалось, что все всерьез и надолго. А многое – вообще навсегда.

ЭВАКУАЦИЯ. И ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

В 1915 году художественную школу эвакуировали из Риги. Через Питер и Москву ее ученики попали в Пензу, где всех приняла местная художественная школа. Тоне и его однокурсники были от нее не в восторге: она оказалась еще более консервативной, чем рижская, ее преподаватели требовали от учеников реализма. А все они хотели чего-то другого. Но продолжали учиться, благодарные за то, что их приютили. Наконец все латышские ученики получили дипломы об образовании и теперь подлежали призыву в действующую армию.

До Валдемара дошли слухи, будто в Ревеле формируется добровольческий флот, и ему после плавания с братом перспектива стать морским офицером показалась очень заманчивой. Но до Ревеля он не добрался: шли жестокие бои, и в январе 1917 года его призвали в латышскую стрелковую дивизию.

Насчет того, принимал ли он участие в боях, где и с кем служил,

единого мнения нет, документов той эпохи у него не сохранилось. Скорее всего – воевал. На санитарном поезде работал точно, под обстрелами бывал, раненых перевязывал. В октябре в России грянула революция. Русской армии больше не существовало. Латышские стрелки еще какое-то время держались. Потом часть стрелков перешла на сторону Советов, часть устремилась на родину. Вихрем революции Валдемара занесло в Псков, оттуда – в Питер и наконец – в Ригу.

ТИХАЯ ГАВАНЬ

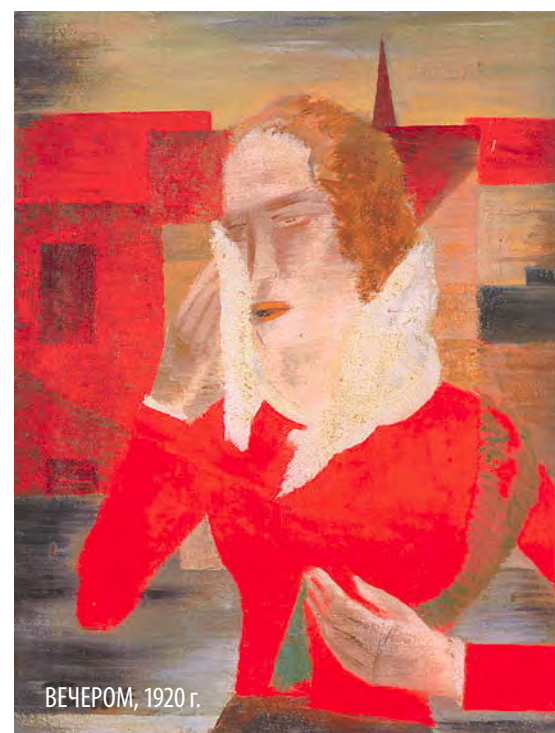
Он снял квартиру в Риге, устроился преподавать рисование и историю искусств в школе и открыл свою студию живописи. В отличие от некоторых других художников его поколения, он никогда не писал войну, беженцев и стрелков, а только портреты – в основном женские, и натюрморты. Он словно надеялся вычеркнуть войну из памяти. И не он один! Мужчины 20-х годов ходили на

ВАЛЕНТИНА И ВАЛДЕМАР ТОНЕ
В ДЕНЬ СВАДЬБЫ, 1920 г.

ЖЕНЩИНА
С ГОЛУБЕМ,
1919 г.

ВЕЧЕРОМ, 1920 г.

Валдемар дважды получал премию Латвийского фонда культуры (1924, 1934), ему присвоено звание «выдающийся художник Латвийской академии художеств» за заслуги в живописи (1934). Он является кавалером ордена Трех звезд (1938).

концерты, танцевали фокстрот и танго, подбрасывали брови, пудрились, укладывали волосы с помощью бриолина, носили лакированную обувь, шили костюмы на заказ. Они столько всего навиделись на этой войне, что не боялись выглядеть женственно. Они хотели красоты и любви.

И Валдемар не был исключением. Он заказывал костюмы у господина Свисса, одного из лучших рижских портных, и был вечно ему должен. И жил в доме богатого предпринимателя и торговца Эдуарда Розитиса, который увлекался живописью и предоставлял квартиры в одном из своих домов на Лачплеша, 52/54, друзьям-художникам. Тоне снимал там

большую 5-комнатную квартиру. Он снес в ней почти все стены, чтобы было больше света и воздуха. Вечно опаздывал с оплатой. И Розитис, как истинный меценат, периодически прощал ему все долги.

ВАЛЕНТИНА. МУЗА 20-Х ГОДОВ

В эту квартиру в 1920 году он привел свою жену, изящную красавицу Валентину Кулмае. Она работала в агентуре LETA и прилично зарабатывала, носила белые блузки с воротничком стоечкой и узкие юбки-карандаш. Сразу же после женитьбы Валдемар оставил

преподавание в школе и полностью ушел в живопись. Он с упоением писал портреты жены, а потом она заболела туберкулезом. Это был бич того времени: столько переживаний, с питанием плохо, антибиотиков еще и в помине нет. И в 1922 году Валентина уехала на лечение в горный санаторий в Германию. Разреженный холодный воздух и покой были тогда единственным средством лечения.

И тут Валдемару повезло. Он получил премию от Культурного фонда для стажировки за рубежом. Невеликую – всего 228 долларов. Но ему этого хватило, чтобы рвануть в Париж и там обосноваться. ►

ВАЛДЕМАР ТОНЕ, 30-е гг.

У ОКНА, 1932 г.

МУЖ РАЗВЛЕКАЕТСЯ, ЖЕНА ЛЕЧИТСЯ

Валдемар разгуливал по весеннему Парижу в специально заказанных для поездки костюмах. Посещал Лувр, Версаль, классы по живописи, театры, выставки, рестораны, общался с другими латышскими художниками и актерами, с дипломатами и бизнесменами. Спорил об искусстве в кафе на Монпарнасе. И делал долги – в чем постоянно

Анна вспоминала, что Валдемар Тоне постоянно увлекался спиритизмом, так как считал, что его связь с потусторонним миром придает его полотнам нечто мистическое, позволяет высвободить подавленные чувства и выразить их на холсте. Кто знает, может быть, он был по-своему прав.

оправдывался перед Валентиной. Она требовала деньги на продолжение лечения. Он присылал по чуть-чуть. Извинялся и тратил деньги на свои нужды и развлечения. Писал милые письма жене, называл ее «больнушечка» и «мой почти выздоравливающий дружок». Разлука на пользу любви не пошла – каждый понял, что может прекрасно жить самостоятельно.

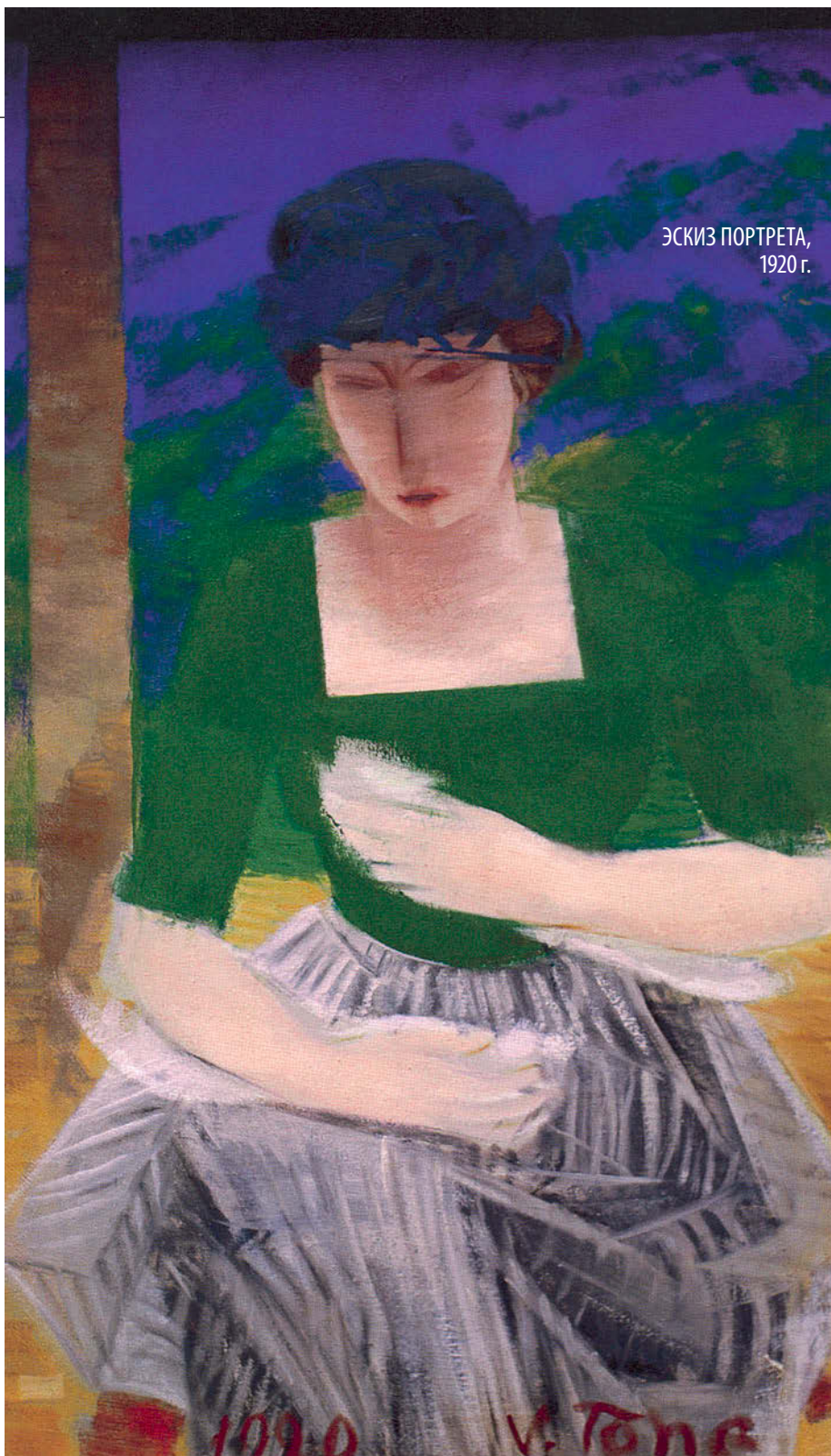
В 1923 году они расстались по обоюдному согласию, без скандала. Валентина со временем уехала в США, где вышла замуж во второй раз. Переписывались они с Валдемаром как старые друзья до самой его смерти.

ВРЕМЯ РАСЦВЕТА

Долгое время он оставался «художником для художников». Коллеги всегда высоко оценивали его работы, с 1925 года он преподавал в Академии художеств, но публика к нему относилась сдержанно. В 30-е годы Валдемара заметили и полюбили. Люди привыкли к новой живописной манере, экспрессия и оригинальность нового стиля вызывали восторг. Да и Валдемар стал писать глубже, мягче, мощнее.

К власти пришел Карлис Улманис. Он поддерживал искусство регулярными государственными закупками. Часть купленных картин отправлялась в школы – чтобы повысить уровень образования учеников, часть – в музеи и различные организации. Художники регулярно выставляли свои работы на специальной выставке. И комиссия отбирала самые значительные из них. Комиссию возглавлял молодой человек, прекрасно разбирающийся во всем, кроме живописи. Его слово было решающим. И в первые годы выбор полотен повергал в шок не только художников, но и критиков, и знающую публику. И вдруг все изменилось! Государство стало закупать самые значительные работы. Критикам и знатокам не к чему было придираться. Когда у руководителя комиссии спросили, как ему удалось так отточить свой вкус, он ответил: «Ничего не изменилось! Я отбираю то, что мне нравится меньше всего. И это неизменно оказываются лучшие работы с точки зрения знатоков».

Работы Валдемара тоже попадали в число отобранных. Он продол-

ЭСКИЗ ПОРТРЕТА,
1920 г.

АННА,
50-е гг.

жал писать женщин – и очаровывал всех, кто ему позировал. Ему не нужно было для этого долгих бесед, он не добивался сходства портрета с оригиналом. Он излучал вдохновение, застенчиво улыбался и смело предлагал. И ему не отказывали. Он жил в Задвинье в большом доме, который ему передала в пользование одна из поклонниц. Говорят, между ними даже романа не было.

АННА – СИМВОЛ СЧАСТЬЯ

В 30-е годы музой Тоне стала Анна Дарзиня, студентка Академии художеств. Темноволосая красавица входила в студенческий совет, и однажды ее пригласили на очередной «профессорский прием». На приеме мэтры пили «крепкий липовый чай». Угостили профессора и хорошенькую девушку. Анна с удивлением обнаружила, что чай сдобрен изрядной дозой

спирта. Может быть, очень крепкий липовый чай тому виной, но она позволила Тоне проводить себя домой и дала согласие ему позировать.

Ее волнующие портреты кисти Тоне называли воплощением Лаймы – богини счастья. Она боготворила Тоне. И пока он работал, Анна позировала и мечтала. Иногда что-то писала сама. Он создал множество ее портретов в разных нарядах, в разных цветах. Но не женился на ней, возможно – не хотел отказывать себе в благосклонности других дам и был слишком честен для того, чтобы вступить в брак и скрывать свои романы. Дружили они более десяти лет.

КОГДА ВСЕ РУШИТСЯ – СПАСЕТ ЛЮБОВЬ. ОТВАЖНАЯ МУЗА 40-Х ГОДОВ

Он продолжал писать женские портреты и когда в Латвию вошли советские войска, и когда началась война, и когда Ригу заняли немцы. И решил, может, неосознанно, спрятаться от тягот войны в любви. В 1941 году он познакомился с юной – вдвое моложе него – Айной Асаре. Ее муж, Рейнис Асарс, служил в немецкой

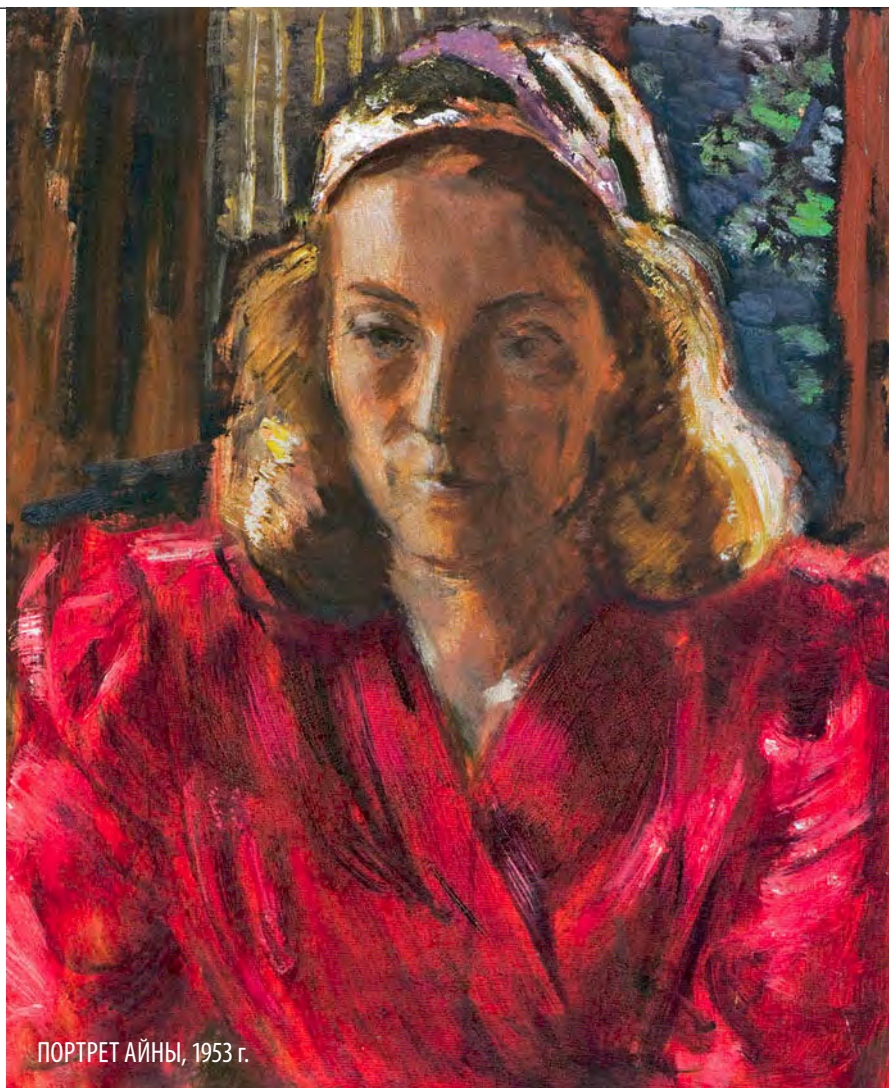
С АЙНОЙ, 50-е гг.

армии. И неосторожно заказал у Валдемара портрет своей миленькой жены, которой очень гордился. Через несколько месяцев позирования Айна ушла от молодого мужа к пожилому художнику. В 1943 году они поженились. Любопытно, что свидетельницей на этой свадьбе была Анна Берзиня. Муза 30-х передавала свою миссию музе 40-х. Высокие отношения, по-другому и не скажешь!

ЭМИГРАЦИЯ

В 1944 году Валдемар вместе с Айной бежал в Германию. Там они попали в американскую оккупационную зону. И Валдемар писал картинки, которые отдавал за кофе и сигареты. В 1947 году Айна уехала в Англию и поступила на работу в госпиталь – она ухаживала за тяжело больными. Обустроилась и вызвала к себе мужа.

Тоне был одним из немногих латышских художников, которые продолжали работать и в эмиграции. Он фактически заново начал свой путь в искусстве. Тратил почти все заработанные женой деньги на краски, кисти и холсты, писал натюрморты и портреты жены – на натурщиц у него не хватало денег. В 1951 году в Лондоне в The Kensington Art Gallery прошла его первая зарубежная выставка. О ней писала не только эмигрантская, но и английская

ПОРТРЕТ АЙНЫ, 1953 г.

Он не был «рупором эпохи», не создавал величественных батальных полотен, ни к чему не призывал, ничего не ниспровергал. Он писал тихое счастье в образе разных женщин, которых любил. И когда смотришь на некоторые полотна, то вспоминаешь его увлечение мистикой, потому что в них явно заключена частица чьей-то души. Позировавшей девушки. Самого Тоне. Его народа.

пресса. В 1953 году состоялись выставки его работ в Германии и Швеции, после чего у него появилось много заказов. И его материальное положение заметно улучшилось. Они с Айной даже обзавелись своим летним домом в Гибралтаре.

К сожалению, вскоре Валдемар заболел актиномикозом – редким и в ту пору малоизученным заболеванием, и в 1958 году ушел из жизни.

Он не был «рупором эпохи», не создавал величественных батальных полотен, ни к чему не призывал, ничего не ниспровергал. Он писал тихое счастье в образе разных женщин, которых любил. И когда смотришь на некоторые полотна, то вспоминаешь его увлечение мистикой, потому что в них явно заключена частица чьей-то души. Позировавшей девушки. Самого Тоне. Его народа. ■

ДОЧЬ СОЛНЦА

ГАЛИНА
ПАНЦ-ЗАЙЦЕВА

ПРО АСПАЗИЮ, САМУЮ ВЕЛИКУЮ
ЛАТЫШСКУЮ ЖЕНЩИНУ ВСЕХ ЭПОХ

НЕОБЫЧНАЯ, ТАЛАНТЛИВАЯ, ЯРКАЯ И НЕУКРОТИМАЯ, НИ НА КОГО
НЕ ПОХОЖАЯ, СТРАСТНАЯ И НЕЗАВИСИМАЯ, ОНА БЫЛА
ВОЗМУТИТЕЛЬНИЦЕЙ СПОКОЙСТВИЯ И КУМИРОМ НАЦИИ.

ДОЛГОЖДАННАЯ И НЕНАГЛЯДНАЯ

В Елгавском уезде на хуторе Даушкас в зажиточной крестьянской семье Дависа и Греты Розенберг в 1865 году родилась дочка Эльза. Родители оберегали свою малышку, не выпускали ее со двора и не позволяли ей играть с другими детьми – еще, не дай бог, оступится, заболит или обидят. Единственным другом Эльзы был серо-полосатый котик. Как всегда, с теми, кого больше всего берегут, случается непредвиденное: девочка вместе с котом упала в пруд. Она тонула молча и только душераздирающий ор кота привлек внимание домочадцев. Девочку спасли.

Бог расщедрился, и через несколько лет после рождения Эльзы у ее родителей на свет появились еще трое детей. Но Эльза для родителей осталась самой любимой. Мама мечтала о выгодном браке для дочери. Отец, запойный пьяница, вложил в Эльзу все свои нереализованные амбиции, отправил в Митавскую гимназию и постарался дать ей самое лучшее классическое образование.

«Мне, маленькой девочке, стыдно было, что все кругом толкуют о любви, а я даже и не знаю, что это за любовь такая и что с ней делать. Почему меня никто не любит?»

ВЗРЫВНАЯ КРАСАВИЦА

Она читала Цицерона – на латыни, Гомера – на древнегреческом, Пушкина – на русском, Канта – на немецком, писала стихи и влюблялась направо и налево. В 12 лет Эльза в первый раз поцеловалась, в 14 решила сбежать в Монако с очарованным ею соседским сыном, между прочим – как потом оказалось – взрослым женатым парнем. Испуганная мама забрала дочку из гимназии и отдала в ученицы к портнихе, так как, по ее мнению, вышивание более пристало барышне, чем книги. ►

Дома Эльзу загрузили работой. С утра она доила коров, а потом бежала к себе, чтобы почитать Аристотеля, спрятанного в грудe шитья. Она тосковала по знаниям и уговорила родителей нанять домашнего учителя, который открыл ей красоту и романтику национальной идеи. Под его влиянием она стала писать стихи, взялась за пьесу, мимоходом очаровала младшего брата учителя и сбежала с ним из дому на извозчике – они намеревались ее пьесу в Риге директору театра показать. Их задержала полиция: пара показалась извозчику слишком юной, чтобы путешествовать в одиночестве. И Эльза вернулась домой, разочарованная неудачей и готовая к новым приключениям.

ПЕРВЫЙ БРАК

Перепуганные родители быстро нашли ей мужа – Вильгельма Валтерса, молодого литератора. Симпатичного, но крепко пьющего, как и ее отец. Он очаровал не столько Эльзу, сколько ее маму: приносил к чаю пирожные, говорил комплименты. И уговорил родителей Эльзы подписать документы, по которым он получал право распоряжаться делами семьи. В 1887 году Эльза стала его женой. Для нее брак был попыткой вырваться из-под семейного гнета, попасть в Ригу. Увы, ей не повезло. По одной версии,

Валтерс был «подлый мошенник», по другой – просто себя переоценил в попытках спасти усадьбу и заработать на этом. В любом случае, у него ничего не вышло. Семья Эльзы полностью обнищала, усадьбу отобрали за долги, Валтерс продал все платья жены и сбежал в Штаты с остатками денег. Спустя много лет Эльза упомянула, что он и ее напоследок пытался продать в дом терпимости, правда, она сумела по дороге улизнуть от похитителей.

В 1889 году Розенберги переехали в маленький домик в Митаве. Эльза выполняла чисто мужскую по тем временам функцию – добытчика. Занималась репетиторством, писала статьи. И после катастрофы с мужем больше никто из домашних ни в чем ей не перечил. Боялись ее гнева.

О ВРЕДЕ ЧЕРЕСЧУР РАННИХ ВОЗВРАЩЕНИЙ

Эльза была очень хороша собой. Тоненькая, маленькая, дерзкая, с копной пышных золотых волос, она привлекала внимание везде, где ни появлялась. В те годы не было термина «сексапильность», но именно эта женственная притягательность была ее отличительной чертой. И у нее не было отбоя от поклонников.

Впервые Эльза по-настоящему полюбила, когда ей было уже за 20, офицера русской армии Куцевалова, наполовину украинца, наполовину татарина, который квартировал в Митаве. Веселый и решительный, он ничем не напоминал ни безвольного отца, ни бестолкового мужа. Наконец-то в ее жизни появились

страстные и романтические признания, дорогие подарки, рестораны и шампанское. Они катались на лодке по озеру лунными ночами. Он прекрасно играл на гитаре и пел романсы. Называл ее царицей Тamarой, Лермонтова наизусть читал. Все шло к свадьбе. Дело осложнялось тем, что фактически Эльза еще состояла в браке, и она всерьез взялась за бракоразводный процесс. Куцевалов достал для нее 500 рублей, которые требовались для заключения брака с офицером царской армии.

На пару недель Эльза отправилась в гости, в усадьбу друзей. Но затосковала по любимому, приехала раньше, чем обещала. И застала его, как в дурном анекдоте, с полураздетой

творениями и ухаживал за ней. Эльза взяла псевдоним Аспазия – по имени знаменитой греческой гетеры, которая стала женой и советницей Перикла, правителя Афин. Первая в мире феминистка, Аспазия утверждала, что женщина имеет право сама выбирать себе мужа, предлагала мужчинам обучать своих жен и приветствовать те мысли, которые они высказывают. Латышская Аспазия мечтала о своем Перикле и требовала для женщин гражданских свобод и равных прав с мужчинами.

В 1894 году в Рижском латышском театре поставили пьесу Аспазии «Вайделоте» («Жрица»). Это была первая романтическая драма в истории латышского театра и

«Бедные твои губы, которые я нечаянно прокусил, – мне их жаль больше, чем всей той жизни. В моих руках, обнимавших тебя, все еще это сладкое ощущение, точно остающийся от цветов запах, и я весь позавчерашний день ходил, окруженный Твоей атмосферой, как Зевс золотым облаком. Мой ум занимали Твои распущенные волосы: как они рассыпались по всей подушке, я их собирал, волосок к волоску, и ни о чем другом не мог думать».

красоткой. Хлопнула дверью и ушла.

Куцевалов умолял о прощении, говорил, что его черт его попутал, что та девица сама пришла, шлюха этакая. Но чем больше он бранил девицу, тем сильнее гневалась Эльза: как можно обвинять другого человека в собственном проступке! В ней кипели гнев и обида – ведь жениться предлагал, в вечной любви клялся, неужели все это пустые слова?! Она уничтожила всю переписку с ним, вернула подарок. И не простила.

ЯВЛЕНИЕ АСПАЗИИ

Ее романтические стихи охотно печатали. Она приобретала известность. Переехала в Ригу, взялась за работу в конторе Рижского латышского театра. Всеми любимый писатель Рудольф Блауманис восторгался ее

литературы, да еще написанная женщиной. Премьера была триумфальной.

МЕСЯЦ И СОЛНЦЕ. ЗНАКОМСТВО С РАЙНИСОМ

Еще до премьеры Аспазию возмутила статья про ее пьесу, которая была опубликована в газете «Диенас лапа». Характер героини автор понял неправильно. И Аспазия отправилась к главному редактору – некоему Янису Плиекшансу – прояснить ситуацию. Он еще не был ни известным поэтом, ни политиком, а только амбициозным парнем, который мечтал о великом. И сразу Аспазии понравился – бледный, худощавый, в домотканой рубашке, с прозрачными серыми глазами.

Холодный, как лунный свет. А в ней было столько жара и жизненной силы, что он сразу в нее влюбился. У него от нее, как сейчас сказали бы, попросту крышу снесло: красивая, пылкая, сексуальная и знаменитая. Он называл ее дочерью Солнца. А сам, скорее всего, воплощал стихию Луны: нервный, впечатлительный, склонный к самоанализу.

Свои стихи Янис показал ей только через год. Робел перед кумиром нации. Аспазия почувствовала в нем незаурядный дар и со всем пылом свой души взялась поддерживать. Времени у нее хватало: ее вторую пьесу «Утраченные права» убрали из репертуара сразу после премьеры за безнравственность. В пьесе рассказывалось про то, как служанка в ответ на домогательства хозяина убила его и себя. Аспазия в ответ покинула театр. ►

КРАСНЫЙ ЦВЕТК ЛЮБВИ

Древнегреческая Аспазия вышла замуж за великого Перикла, который восхищался ее талантами и поддерживал ее. В поле зрения Эльзы достойных ее «периклов» не было. И она взялась за проект «Создай себе Перикла». Распознала бешеные амбиции начинающего поэта Яниса Плиекшанса и стала подталкивать его к творчеству.

Янис нуждался в заботе, взывал к ее нереализованным материнским инстинктам. И она охотно ему помогала. В 1895 году вышел первый сборник его стихов, изданный под псевдонимом Райнис, каждую главу в котором предваряли ее четверостишия. Ее собственный первый сборник «Красные цветы» увидел свет только через два года – чтобы не затмить эффект от стихов Райниса. Она отдавала ему все больше и больше. Совместный перевод «Фауста» сначала вышел под авторством Аспазии и Райниса, потом – Райниса и Аспазии, а потом – только Райниса. Он открытым текстом в письмах просил Эльзу не писать стихов, оставить это занятие и заняться драматургией, а то ему с ней конкуренции не выдержать.

Он требовал от нее жертв, на которые способна только мать ради ребенка, а не женщина ради мужчины. И Аспазия на них шла – она же воспевала в своих поэмах великие романтические идеалы!

ЗАМУЖЕСТВО

За пропаганду социал-демократических идей Райниса арестовали и посадили в тюрьму. Через несколько дней отпустили, чтобы обвенчаться с Аспазией, чей брак с пропавшим без вести Валтерсом наконец официально расторгли. После венчания Аспазия отправилась с Райнисом в ссылку.

Они жили в домике под Псковом, фактически в нищете. Райнис в письмах жаловался, как сильно его мучает совесть за то, что он всем обуза, и даже бедная родня жены ему помогает. Аспазии предложили работу в газете, в Риге. Она согласилась –

деньги-то нужны. Райнис ужасно расстроился: он же понимал – ей там будет весело, там шампанское, приемы для прессы, молодые и успешные мужчины. А ему тут – одиноко и скучно. Аспазия пообещала проводить полгода в Риге, полгода с ним. Снабдила его работой – новыми переводами. И укатила в Ригу.

Она возвращалась с деньгами, красивая, румяная, полная сил и здоровья. Вдохновляла, помогала сочинять и переводить. Из Пскова Райниса направили в Вятскую губернию. Он прижился, и после завершения срока даже предлагал Аспазии остаться там навсегда, чтобы писать стихи и отсылать написанное в Ригу. Аспазия категорически отказалась и обвинила Райниса в трусости.

Они вернулись в Ригу. Теперь Райнис был не менее известен, чем она, благодаря своим стихам и переводам. Ее проект оказался успешным.

Супруги провели на родине два года: эхо Русско-японской войны, предчувствие революции, внутрипартийные конфликты, жестоко подавленное январское восстание 1905 года. 27

января того же года в Рижском Новом латышском театре состоялась премьера новой пьесы Аспазии «Серебряное покрывало» – про ясновидящую Гуну. И вновь огромный успех. В театр было не попасть. Когда ясновидящая в финале показывала на короля со словами: «Вот он – виновник всего!» – стены зала дрожали от оваций. И вслед за успехом – вынужденная эмиграция, иначе арест двух пламенных трибунов был бы неминуем.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ЭМИГРАЦИЯ ОТ ССЫЛКИ

Аспазия и Райнис приехали в Швейцарию и сняли две комнатки на берегу озера Лугано. Места – дивной красоты. Никакого сравнения с Вятской губернией с ее жестокими зимами и стылыми избами. Но там Аспазия горела борьбой и любовью. Рядом была Рига, работа, друзья, театр. Райнис за нею тосковал, жадно принимал в свои объятия, подогреваемый ревностью к неведомым соперникам. ►

«Все, что Тебя сделало сильным, великим и бессмертным, – это наше прошлое и общая жизнь... Мы слишком органично срослись, нас обвенчали время, звезды, весь народ».

ПОЧЕМУ У АСПАЗИИ НЕ БЫЛО ДЕТЕЙ

В детстве Эльза пережила грустную историю, о которой поведала годы спустя. С мамой они никогда не были близки и дружны. Когда у нее начались обычные женские дела, она ужасно испугалась, никому ничего не сказала и побежала мыться в пруд. На улице царилась осень. Эльза очень замерзла и тяжело заболела. Несколько недель провела в постели. И связывала свое бесплодие с той болезнью.

Чтобы не вдаваться в детали, Эльза всем говорила: «Мои дети – это мои произведения». В ее словах присутствовала доля правды: она была настолько занята литературой, общественной жизнью, а потом мужем, что в ее жизни не находилось места ребенку. Может быть, организм это ощущал и «провел» ее мимо беременностей. А кое-кто винит во всем Райниса: мол, причина – в нем. Ведь у него даже внебрачных детей нет!

ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

В 1920 году, после признания в мире независимости Латвии, супруги

вернулись на родину. Он – совершенно седой, и она – расплывшаяся, грузная, с усталым тяжелым взором. Они стали символом нации и свободы, обоих приняли с восторгом, в прямом смысле носили на руках. Ордена, лавровые венки, букеты и восхваления. Эйфория. Супруги становятся депутатами Учредительного собрания. Правда, пост президента Райнису так и не достался. Зато самые красивые рижские бульвары нарекают именем Райниса и Аспазии – еще при жизни обоих, что является невиданной честью.

ИЗМЕНА

Аспазия и Райнис поселились в квартире на Муйтас, а рядом жила хорошенькая Ольга Клингере, которая была на 33 года моложе Яниса. Она успела побывать замужем, родить сына и развестись. Ольга училась в университете, боготворила Райниса и охотно стала его любовницей. И он жил с двумя женщинами в одной квартире.

Аспазия терпела этот тройственный союз. Ей было больно от того, что муж выбрал молодое тело, а не острый ум и прекрасную душу. Аспазия могла бы поспорить за любовь мужа с женщи-

Здесь время тупо остановилось. И сколько продлится остановка – неизвестно. Работы нет, друзей и поклонников – тоже, красота блекнет, золото волос тускнеет, в нем пробивается седина. Никаких страстных объятий – только сдержанные родственные. Секса нет, нежности – тоже. У Эльзы на нервной почве развился «катар кишечника». Райнис язвительно пишет, что очередной швейцарский врач посоветовал Эльзе лечиться «душевым покоем» и взял за это бешеные деньги. Денег ему было жаль. Он сердился на жену за то, что она расплывалась и не следит за собой, и уходил писать в горы. Она оставалась дома одна. Она, которая, как локомотив, тащила его за собой столько лет, чувствовала себя выгоревшей и усталой.

ной умной или талантливой, но ей нечего было противопоставить молодости и красоте. Она писала мужу о своей любви, он попрекал ее намерением его контролировать и нарочно выходил не со старой женой, а с молодой любовницей. Через несколько лет Ольга от Райниса ушла – но переписывались они до конца жизни Райниса.

КОТЫ АСПАЗИИ

Они вдруг начали бесить Райниса. Ему и многим его друзьям ее страсть к котикам казалась мещанской. Из-за них разгорались скандалы. Райнис обвинял жену в скупости – она привыкла экономить за годы ссылок и эмиграции, и только для котов ей было ничего не

жалко. Они у нее отличались жирностью и наглостью.

Аспазию часто обвиняли в мещанстве за любовь к открыточкам, занавескам, цветам в горшках. За представления о красоте на уровне зажиточной усадьбы, в которой она росла и которая осталась для нее воплощением уюта. А коты были для нее немножко как дети. Такие же непредсказуемые, балованные, теплые. И на руках носить их приятно. Нападки мужа на котиков доводили ее до слез. Раньше с ней такого не случалось.

УХОД В ТИШИНУ

В 1929 году Райнис умер. В Юрмале, в том доме, который очень любил. Они прожили вместе 32 года. После похорон Аспазия купила себе дом в Дубулты – окнами на реку. С ней жили пять котов, племянница и верная помощница Аннушка – более 20 лет вместе. О том, какие отношения связывали хозяйку и домработницу, говорит такая история. Пришли гости, Аннушка накрыла богатый стол, рыбу дорогую поставила. После ужина Аспазия спрашивает: «Рыба-то откуда?» Аннушка отвечает: «А у вас блузка была, белая, вы ее давно не надевали, я ее

продала, еды купила». Аспазия говорит: «Ну и хорошо!»

В 1939 году Аспазия получила награду от государства – 8000 латов. Муж двоюродной сестры распisał ей, куда и как вложить эту сумму. Она его выслушала и на большую часть денег купила себе отличное пианино для музыкальных вечеров.

Ее никто не трогал – ни немецкая власть, ни советская. Она так сумела поставить себя и Райниса, что все видели в них символы народа, а вовсе

не партии и не политического строя. Аспазия умерла в 1943 году. Жалела ли она о том, что навсегда привязала себя к Райнису? Трудно сказать. В ней было столько огня и страсти, столько желания отдавать, что ей требовался кто-то, способный остудить ее жар, и Райнис прекрасно справился с этой ролью. Она давала ему энергию для жизни и творчества, указывала цель. Он оказался способным учеником и продвинулся дальше наставницы. Но разве не ради этого движения вперед мы помогаем и вдохновляем?

*Лунный свет струится
Над пучиной вод,
Чудится мне голос,
Он меня зовет:*

*Слышишь! Я русалка!
Ну, пойдем со мной!
Увезу на лодке
В край тебя иной.*

*Вот уж златотканый
Парус ветра полн,
Путь звезда укажет
Среди синих волн.*

*В том краю
счастливом,
Где царит покой,
Любит дочку солнца
Месяц молодой.*

*Радость неземная
Их лучи слила,
И душа с душою
Счастье обрела.*

*В том краю желанном
Нет земных тревог...
Бесконечен света
Голубой поток.*

*1902 г.
Перевод Л. Осиповой*

Они действительно любили друг друга. Сначала – как пылкие любовники. Потом – как друзья. Как соратники. И немножко – как мать и сын. Соперничали в творчестве, бросали друг другу вызов и отвечали на него. Что ж, у любви – множество лиц. И все они – разные. ■

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОМОЩЬ В
СОЗДАНИИ МАТЕРИАЛА АРИУ ВАНАГУ,
РУКОВОДИТЕЛЬНИЦУ ДОМА-МУЗЕЯ
АСПАЗИИ, И ЕГО СОТРУДНИКОВ.

СМЕКАЛКА, ОСТРЫЙ УМ
И БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

**ЖАНИСА
ЛИПКЕ**

ГАЛИНА
ПАНЦ-ЗАЙЦЕВА

У НЕГО НЕ БЫЛО НИ ВЫСОКОГО СТАТУСА, НИ ДЕНЕГ, НИ ОБРАЗОВАНИЯ – НИЧЕГО, КРОМЕ СМЕКАЛКИ, ОСТРОГО УМА И БОЛЬШОГО СЕРДЦА. 54 ЕВРЕЯ ОБЯЗАНЫ ЖИЗНЬЮ ЖАНИСУ ЛИПКЕ. ЕГО ЖЕНЕ. ЕГО ДЕТЯМ. И ЕГО ДРУЗЬЯМ.

ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Родился Янис Липке в 1900 году в Елгаве в семье бухгалтера и домохозяйки. В августе 1914 года грянула Первая мировая война. Отец Яниса ушел на фронт и погиб. Через год немцы вторглись в Латвию. Янис вместе с другими подростками рыл окопы и траншеи, а потом примкнул к латышским стрелкам, участвовал в боях с немцами. Тут грянула революция, фронт дрогнул и рассыпался. В 1918 году вместе с однополчанами Янис вернулся в независимую Латвию. А через год вновь отправился на службу – но уже в армию Первой республики. В армии его прозвали Жанисом, и прозвище постепенно превратилось в имя, которое осталось у него на всю жизнь.

В 1920 году Жанис демобилизовался, вернулся домой и женился. 17-летняя Иоганна росла в большой и дружной семье. Ее отец год к парню присматривался и дал разрешение на брак, только когда убедился в его надежности и серьезности. Много лет спустя Иоганна узнала от умирающего отца правду о своем рождении – оказывается, она была приемной дочкой. Ее родная мать в юности служила в графской семье гувернанткой и прижила ребенка от сына хозяина. Родить внебрачного ребенка для незамужней женщины считалось верхом позора. Ее честь спасла старшая сестра, которая взяла племянницу в свою семью. Так, сам того не зная, Жанис стал супругом графской дочери.

СЕМЬЯ И ДИКТАТОРЫ

Жанис работал докером в порту и, как все портовые рабочие, сочувствовал социал-демократам, как многие, занимался контрабандой. Один раз его оштрафовали за нелегальную перевозку кружев. Но Жанис не особенно страдал – денег в семье

ЖАНИС И ИОГАННА
В ДЕНЬ СВАДЬБЫ. 1921 г.

СЕМЬЯ ЛИПКЕ. 1930 г.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

Для Латвии она началась 22 июня 1941 года. Айна успела эвакуироваться в Калининскую область (муж Айны был на фронте) – партийным работникам предоставляли транспорт, так как коммунистов немцы уничтожали наравне с евреями. Для всех остальных выезд толком организовать не успели. Часть евреев, которые по случаю могли уехать в Сибирь, остались в Риге, так как не верили слухам о том, что немцы всех убьют. «Культурная же нация! Не может быть такого».

Немецкие власти приказали евреям носить на одежде желтую звезду. Запретили пользоваться общественным транспортом, ходить по тротуарам, учиться в школе. И в конце августа согнали всех евреев в гетто в Московском форштадте.

КАК ЖАНИС ЛИПКЕ НАЧАЛ СПАСАТЬ ЕВРЕЕВ

Ночью в дом Липке ворвались немцы. Они требовали, чтобы он выдал свою дочь-комсомолку, а когда поняли, что ее в Риге нет,

«Мы с отцом стояли у ограждающего гетто проволочного забора и смотрели на валяющиеся повсюду трупы. Я оцепенел от ужаса. До конца жизни я буду помнить это. Я буду помнить слезы в его глазах и то, как он дрожащим голосом сказал мне: «Смотри, сыночек, и никогда не забудь этого». Из воспоминаний Зигфрида Липке, которому в ту пору было 8 лет.

хватало. А запасы контрабандной водки он создал такие, что ему на всю войну хватило. И тайников его никто не нашел.

У них с Иоганной родилось трое детей: старшая – Айна, волевая и целеустремленная, средний – Альфред, обаятельный и пылкий, и младший – Зигфрид, просто чудесный малыш. В 1934 году к власти в Латвии пришел Карлис Улманис, на социал-демократов начались гонения, и Жанис помог нескольким из них спрятаться от полиции и покинуть страну. В 1938 году он купил домик на Кипсале, у самой Даугавы. Остров хоть и считался частью Риги, но жили здесь по-деревенски. Иоганна завела при домике хозяйство, уток и кур.

В 40-м году в Латвию вошли советские войска. Улманиса отправили в ссылку. Теперь в Латвии господствовал Сталин. 19-летняя Айна новую власть приняла, вступила в комсомол, устроилась на работу в райкоме, вышла замуж. Жанис, поначалу симпатизировавший коммунистам, в них разочаровался. Затишье было временным – люди понимали неотвратимость новой войны.

АЙНА ЛИПКЕ. 1940 г.

избили Жаниса, его сыновей и жену. Так что у него на немцев была личная обида. И евреев он стал спасать сначала вроде бы по личным мотивам: хотел выручить своего друга Хайма Смолянского.

Как только евреев переселили в гетто, Жанис понял, что дело закончится хуже некуда, и уговорил Хайма вместе с женой, тещей и двумя детьми перебраться к нему на Кипсалу, в сарай. Дело шло к осени, в деревне резко похолодало, удобств не было никаких. Вся родня Хайма мерзла, скучала и просилась домой. А дом у Хайма располагался на территории гетто, так что семью можно было понять – они не в тюрьму возвращались, а к родным пенатам.

Хайм собрал свой скромный скарб и вместе с семьей по своей воле вернулся в гетто. Прошло несколько недель. Утром 30 ноября его и остальных мужчин, как всегда, увели на работы в город. Когда Хайм вернулся, все было кончено: женщин, детей, стариков – тех, кто не мог трудиться, убили. И получилось, что он вернул свою семью на смерть...

ДЕЛАЮ, ПОТОМУ ЧТО МОГУ

Жанис устроился работать в «Красные амбары» – склады возле рынка, приспособленные для нужд люфтваффе (немецкие ВВС), к своему приятелю поляку Якубовскому. Немецким языком Жанис владел прекрасно, было предприимчив, регулярно доставал для Якубовского дешевую водку, помогал ему проворачивать выгодные сделки с продуктами – и получил возможность отбирать для работы на различных предприятиях Риги людей из гетто. Работников он считал по головам – взял десять и вернул десять, никто документы и фотографии не сверял. Он вывел своего друга Хайма из гетто и отправил к себе домой, а вместо него уговорил вернуться в гетто приятеля, латыша. Тот вошел в ворота в форме узника гетто и в шапке с козырьком вместе с группой евреев. Утром в привычном виде и со своими исправными документами вышел на волю.

Повторно спасенный Хайм вместе с Жанисом рыл на Кипсале во дворе дома бункер-убежище и просил выручить других евреев. Он не смог спасти своих и всей душой радел за чужих. В Жанисе выиграла авантюрная жилка. Ему всегда нравилось проворачивать комбинации. И он взялся за дело.

КОНВЕЙЕР ПО СПАСЕНИЮ

Жанис поставил на поток испытанный на Хайме метод: уводил из гетто десять евреев. Возвращал тоже десять, но двое из них были латышами – его доверенными людьми. Некоторых вывозили на машинах под мебелью, под мешками с картошкой. Спасенных супруги Липке прятали в подземном бункере под курятником и в хозяйственных постройках на своем участке. В бункере было электричество и два входа: один прикрывался собачьей будкой, другой вел к оврагу, чтобы было куда сбежать при тревоге.

Среди евреев распространился слух о великом спасителе Жанисе. В телефонной будке на улице Марияс карандашом нацарапали его адрес. И к нему приходили те, кто бежал из гетто. Бежать было нетрудно,

ЖАНИС И ИОАННА. 1980 г.

«Я совершенно серьезно верю, что Бог посылал мне ангела-хранителя, который прикрывал меня своими крыльями в наиболее опасных случаях». Жанис Липке.

скрыться – практически невозможно, так как всех, кто помогал евреям, расстреливали на месте вместе с семьей.

Жанис нашел единомышленников, организовал сеть убежищ по городу, а потом стал переправлять беглецов под Добеле. Там он договорился с местным старостой и некоторыми хозяевами, купил пару заброшенных хуторов. И теперь беглецы могли скрываться в куда более безопасных условиях.

ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ – И ТОТ, КОМУ ПО НЕМУ ДАНО ХОДИТЬ

Невероятное количество раз Жанис находился на грани провала. Однажды он выводил из гетто типичного молодого еврея – глазастого, носатого и кудрявого. На лоб ему надвинули

кепку, чтобы кудри не лохматились и нос не так выдавался. Жанис завел его в трамвай. А там полно полицейских. Парень обмер от страха. Жанис подтолкнул его к месту у окна, а сам принялся пьяного изображать – падал на всех и рассуждал о том, «как хорошо, что у нас сейчас немцы». Все пассажиры смотрели только на него. Так они и доехали до убежища. В другой раз Жаниса вместе с двумя спасенными евреями арестовали на улице. Он внушил полицейским, что эти парни – ценные работники, ошеломил всех беспримерной наглостью, поставил всем выпивку, и его вместе с евреями отпустили. Случай по тем временам беспрецедентный.

У него было звериное чутье на опасность, неистребимый инстинкт самосохранения и очень устойчивая психика. Как-то раз его попросили выволочь из гетто 4-летнего ▶

мальчика. Жанис пришел в назначенное место. Мальчик стоял у окна и ждал. Но мимо прошли полицейские. Жанису пришлось уйти, иначе его внимание к дому вызвало бы подозрение. Через пять минут он вернулся – полицейских стало еще больше, у входа стояла охрана, и он понял, что сейчас всех, кто был в доме, уведут на расстрел. Вместе с мальчиком. Но поддаться порыву жалости и попробовать спасти его – это погибнуть вместе с ним. Он вернулся еще через десять минут. Мальчика уже не было, дом пустовал. Да, он всю жизнь жалел о том, что ему не удалось его спасти. Но не испытывал чувства вины – так сложились обстоятельства.

НЕЗАМЕНИМАЯ

Иоганна Липке поддерживала мужа во всем. В убежище на Кипсале постоянно жили от семи до двенадцати человек. Она готовила на всех еду, стирала, обрабатывала большой огород и сад. Посыпала табакотом землю над бункером – от полицейских собак. Почти каждый день летом и осенью отправлялась на базар, чтобы продавать выращенное и покупать нужные продукты. За людьми в убежище требовался постоянный уход, вплоть до того, что ведра с нечистотами выносить несколько раз за сутки приходилось. Но Иоганна никогда не роптала. Она просто делала то же, что и ее муж.

Уже в советское время, в конце 80-х годов, ее спросили, была ли она счастлива с Жанисом. «Да, очень счастлива, каждый день!» – ответила она с сияющими глазами.

НЕУДАЧИ ЖАНИСА

Летом 1942 года Липке на деньги своего друга Саши Перла, опытного яхтсмена, купил моторную яхту, чтобы по Балтийскому морю переправить семерых спасенных евреев в нейтральную Швецию. Яхту на Даугаве заметили – и перед самым отплытием Сашу Перла арестовали. Ему было известно обо всех спасательных операциях Жаниса. Под пытками он никого не выдал, и его расстреляли. Яхту конфисковали. О Швеции пришлось забыть.

В июне 1941 года в Латвии проживало около 90 000 евреев. Из них 10–15 тысяч успели бежать в Россию весной и в начале лета 1941 года. Из оставшихся в Латвии евреев к концу войны в тайниках выжили 529. Все остальные были убиты. В общей сложности выжило чуть больше 800 латвийских евреев.

Жанис решил спасти 18 еврейских врачей, которые жили в лагере Кайзервальд и работали в немецком госпитале. Но только один из них, Гарри Ноим, согласился бежать. Другие стали спрашивать, каков процент того, что побег удастся. Жанис ответил: «Я ничего не знаю ни о каком проценте. Если хотите бежать, я помогу. Это война. Погибнуть могут все». Врачи посоветовались и отказались. Они были расстреляны летом 1944 года. Гарри Ноим бежал и остался в живых.

ЧЕМ ВСЕ ЗАВЕРШИЛОСЬ

Осенью 1944 года в Ригу вошли советские войска. Подопечные Жаниса рванули на свободу. Мужчины пошли в Советскую армию – мстить. Женщины – вить гнезда, обустроить свой быт. До конца

войны Липке работал в гараже Министерства лесной промышленности. На допросе в НКВД ему сказали: «Мы знаем, чем вы занимались во время войны». Он ответил: «Ну вот чем занимался – людей спасал». Ему заметили: «Не тех спасал». И все допытывались, сколько он денег со спасенных евреев получил и куда вырученное спрятал. Никто в НКВД не верил, что Жанис был совершенно бескорыстен, пока он всех матом не покрыл. Тогда они почему-то успокоились и больше его не вызывали.

Спасенные евреи писали в разные инстанции письма о том, как были спасены. Ни Жанис, ни его друзья не получили от советской власти никаких наград: они не пускали под откос вражеские составы, не расклеивали листовки. Они спасали от смерти обычных, ни в чем не повинных людей. Разве ж это подвиг?

ИСТОРИЯ КАК ОНА ЕСТЬ. ТРАГИЧНОСТЬ И ЭПИЧНОСТЬ

Жизнь семьи Липке – это зеркало жизни его народа. Жанис и Иоганна спасали тех, кто подвергался преследованиям – при Улманисе выручали коммунистов, в войну – евреев, пленных красноармейцев, партийных работников.

Старшая дочка Айна приняла советскую власть, эвакуировалась в Калининскую область, потеряла мужа на фронте. Через три года вернулась домой со вторым мужем, офицером НКВД. И в 26 лет пропала без вести – муж сказал, что они поссорились, она бросилась в Даугаву на его глазах, и он не смог ее спасти.

Средний сын Липке, Альфред, поступил в нацистскую армию во вспомогательные войска. В боях не участвовал. Если бы он скрывался от призыва, как было принято в большинстве латышских семей, к ним бы пришли немцы с обыском и нашли всех беженцев. После войны он не мог вернуться в Советскую Латвию. И уехал в Австралию, где был женат трижды и вырастил двух сыновей и дочь.

Младший сын, Зигфрид, с семи лет помогал родителям прятать вызволенных евреев. Был связным и сторожем. Когда кто-то подходил к дому, подавал сигнал, чтобы все сидели тихо, выключал в бункере свет. Когда родители уходили по делам, прятался в собачьей конуре – с собакой не так страшно было. Знал все и не выболтал никому ничего. После войны работал техником сцены в Молодежном театре.

Трое детей – и три такие разные и такие типичные для Латвии судьбы.

ПРИЗНАНИЕ

В 1955 году Жанис вышел на пенсию. Он жил все в том же старом домике на Кипсале. Еврейские друзья предлагали достать ему квартиру, построить новый дом. Он от всего отказывался. Только кофе хороший всегда охотно в подарок принимал. Вместе с ними отмечал еврейские праздники в синагоге, приходил на День памяти в Румбуле. Друзья навещали его на Кипсале на

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ЖАНИСА ЛИПКЕ

ПАМЯТЬ

В прошлом году состоялась премьера картины Дависа Симаниса «Отец Ночь» – в ней рассказывается о Жанисе Липке.

В Пардаугаве, на Кипсале, находится мемориал Жаниса Липке, созданный по проекту архитектора Зайги Гайле.

Рождество и на Лиго, в день именин – ведь он был Ян Янович. И тогда до утра они жгли во дворе костер и пели латышские песни.

В 1977 году Жанису разрешили навестить сына в Австралии. Но в Израиль, где его, Праведника народов мира, жаждали принять на высшем уровне, советские власти лететь ему запретили. Израиль считался враждебным для СССР государством. Власти Австралии по просьбе Израйля совершили невероятное и отправили его в Ригу через Тель-Авив.

Жаниса Липке встретили как почетного гостя в израильском парламенте и во многих общественных организациях. В мемориале «Яд-Вашем» Жанис посадил именное дерево на аллее Праведников. На мемориальной табличке там написано: «Janis and Johanna Lipke, Latvia». Кстати – рядом с деревом знаменитого Шиндлера.

В 1987 году Жанис умер от очередного инфаркта. На его похороны пришли более тысячи человек. ■

СУПРУГИ БЕНЬЯМИНЫ НА ПРАЗДНОВАНИИ 25-ЛЕТИЯ ГАЗЕТЫ
JAUNĀKĀIS ZIŅAS, 1936 г. ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА АТРŪТА

«ПРОЩАЛЬНЫМ КОСТРОМ ДОГОРАЕТ ЭПОХА» ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ БЕНЬЯМИНОВ

ГАЛИНА
ПАНЦ-ЗАЙЦЕВА

ЭМИЛИЯ И АНТОН БЕНЬЯМИНЫ – СИМВОЛЫ ЦЕЛОЙ ЭПОХИ, НЕКОРОНОВАННЫЕ КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА ЛАТВИИ. ТАЛАНТЛИВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, АВАНТЮРИСТЫ И РОМАНТИКИ, ОНИ СУМЕЛИ СТАТЬ НЕ ПРОСТО МИЛЛИОНЕРАМИ, А НАСТОЯЩИМИ АРИСТОКРАТАМИ ДУХА. РАБОТАЛИ НЕ НА БЛАГО КАКОЙ-ТО ПАРТИИ, А НА СТРАНУ В ЦЕЛОМ – И СЕБЯ С НЕЮ ОТОЖДЕСТВЛЯЛИ, ЧТО НЕЧАСТО СЛУЧАЕТСЯ. И НЕ ТОЛЬКО ВОШЛИ В ИСТОРИЮ, НО И ОСТАЛИСЬ В НАШЕЙ ПАМЯТИ.

АНТОН. ПОЗДНИЙ СТАРТ

Антон Беньяминш родился в 1860 году в крестьянской семье. Окончил школу в Валке и работал учителем. Он мечтал стать миллионером, о чем часто говорил друзьям, а они кивали: кто ж не хочет! В свободное от преподавания время писал неплохие рассказы о сельской жизни и статьи про школьные дела. Сочинил пьесу про вред алкоголя. Женился на дочке состоятельных хозяев Маде Юрьяне. У них родилось пятеро детей. В 1897 году Антон попытался заняться бизнесом, открыл два магазина, но прогорел – оказался слишком мягок и не выдержал конкуренции.

Когда процесс банкротства завершился, ему было уже за сорок. Казалось бы – делать нечего, пора

сложить крылья, вернуться к учительству и домашнему очагу. Но не тут-то было! В 1904 году Антон ушел из семьи – с женой, кроме детей, у него ничего общего не было, уехал в Ригу и там, с нуля, начал журналистскую карьеру. Писательство, которое было его «блажью», превратилось в профессию. И он быстро добился на новом поприще успеха и признания.

В 1906 году его назначили редактором еженедельной газеты Mājas Viesis, в 1910-м – редактором ежедневной газеты Rīta Vēstnesis. Но он мечтал о собственной газете и по-прежнему намеревался зарабатывать миллионы, хоть больше никому об этом не рассказывал. За единственным исключением. Всеми планами он делился с Эмилией,

начинающей журналисткой. Они познакомились в 1905 году. Разница в возрасте – он был старше нее на 21 год – не помешала их крепкой дружбе, которая постепенно переросла в любовь.

ЭМИЛИЯ. КАРЬЕРА ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Эмилия родилась в 1881 году. Ее старшая сестра стала оперной певицей, младшая – актрисой. В 18 лет Эмилия пошла в журналистику. Начинала как рекламный агент в немецком издании. Хватка у нее была железная, улыбка – обаятельная, голос – мягкий. Издательскую кухню она освоила быстро. Клиентов уговаривала за считанные минуты. ►

РОЯЛЬ В ОСОБНЯКЕ СУПРУГОВ БЕНЬЯМИНОВ

В то время в Риге буйным цветом расцвела эмансипация. Народ ломился на пьесы Аспазии про свободу, в том числе и про женскую. Красивая и сексапильная Эмилия скромностью не отличалась, девственностью особо не дорожила. Предпочитала для романов офицеров и полицейских – потому что при деньгах, страстные и мужественные. Рано вышла замуж за актера, режиссера и певца Эрнста Элкса-Элкснитиса, красивого, веселого и вроде бы многообещающего. Но быстро в нем разочаровалась: зарабатывал он мало, от дел отлынивал, да еще и выпить любил. А когда застал жену наедине с полковником жандармерии в недвусмысленной ситуации, то и вовсе поднял на нее руку. Эмилия не собиралась прощать мужу рукоприкладство и тут же подала на развод. Брак расторгли в 1909 году.

Она мечтала вовсе не о семье и детях, ее влекли блеск, слава, власть и деньги. Они с Антоном нашли друг друга – талантливые, амбициозные, разочарованные в семейной жизни, и с твердым намерением взять свое у судьбы. Антон с первых дней знакомства помог девушке – устроил ее по совместительству кассиром в Новый театр, предложил ей писать театральные рецензии, и она изучила мир искусства, что сослужило позже обоим великую службу. Он всегда был великодушен и добр и никому не отказывал в помощи.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ. КАК ЭТО ВЫШЛО

В 1911 году Антон и Эмилия поселились вместе в одной квартире, взяли кредит и принялись издавать ежедневную газету *Jaunākās Ziņas*. Антон знал, как сделать газету интересной, и умел работать с авторами.

Газета стоила всего одну копейку. Медиамир Латвии презрительно отозвался о ее издателях: «Да они прогорят! Как при такой цене справиться с издательскими расходами?» – «А спокойно!» – ответила Эмилия, которая была опытной акулой в океане медиабизнеса. Она ухитрилась продать невероятное количество рекламного места, так как высокое качество газеты и ее низкая цена говорили о том, что у нее окажется масса читателей, а значит, и потребителей рекламируемого товара!

Газета покорила всех – и простой народ, и интеллигенцию. Антон обеспечивал ее высокий уровень. На ее страницах публиковали заметки на злобу дня видные писатели – Розитис, Акуратерс, Яунсудрабиньш, рядом размещались театральные рецензии и криминальная хроника, местные и международные новости. В 1914 году ее тираж достиг 90 000 экземпляров.

В годы Первой мировой войны и революций Беньямины потеряли часть денег, вложенных в царские ценные бумаги, но зато им не потребовалось выплачивать сумасшедшие кредиты исчезнувшим банкам. И в

целом они выиграли. Газета выходила без перерыва, тираж 1917 года – 97 000!

ВЗЛЕТ. ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

В 20-е годы отгремели, как тогда считали, навсегда, все войны. И в Риге сложился невероятный национальный коктейль – латыши и немцы, евреи и цыгане, романтическая русская интеллигенция, надеющаяся, что «большевики вот-вот закончатся», и те, кто понял, что эмиграция – это навсегда. Все они жаждали сытых радостей мирной жизни, надеялись на безопасность, и каждому казалось, что в этом оазисе, на перекрестке дорог между Западом и Востоком, удастся найти желаемое – на год или на всю оставшуюся жизнь. В Риге строились фабрики, открывались рестораны и дансинги. В кафе «Париж» состоялось первое в Латвии представление стриптиза. «Развратное» зрелище быстро запретили. Но почин был сделан. Люди жаждали развлечений, и Беньямины опять оказались на волне.

ЭМИЛИЯ
ВСТРЕЧАЕТ ГОСТЕЙ

В 1930-х годах супруги Беньямины владели чуть ли не всем рынком прессы в Латвии. В Париже они познакомились с американским медиамагнатом Уильямом Херстом, который сказал, что мечтает иметь в Штатах такую же долю прессы, какая есть у них в Латвии.

В 1922 году Антон наконец-то получил долгожданный развод и быстро женился на Эмилии. А в 1924 году Эмилия и Антон представили публике новое издание – ежемесячный журнал *Atrūta*. Своим жизнерадостным настроением он соответствовал духу времени, и его тираж быстро дошел до 80 тысяч экземпляров.

В 1928 году Беньямины купили самый роскошный особняк в Риге на Кришьяна Барона, 12, и обустроили его с варварским великолепием. Обшили комнаты палисандровыми панелями, прорубили выход в сад, устроили винный погреб в подвале. Руководил работами Эйжен Лаубе – главный архитектор довоенной Латвии, сторонник национального романтизма, строения которого в центре Риги своей суровостью похожи на жилища горных троллей. Заказчики требовали от него роскоши в отделке дома и так хорошо платили, что он

отказался от всех своих амбиций и строил по принципу: «Что изволисте? А я еще и бантик сбоку могу!» Хотя потом покритиковал владельцев за дурной вкус и пообещал, что ноги его в перекроенном доме не будет. Впрочем, не очень-то его и приглашали.

КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА ЛАТВИИ

Беньямины, как истинные правители, чувствовали свою ответственность за судьбу страны. Они создавали благотворительные общества, спортивные клубы, купили за свой счет два самолета для латвийской армии. Помогали деньгами молодым музыкантам и литераторам, выплачивали громадные стипендии. Эмилия среди многих выделяла начинающего писателя Вилиса Лациса. Он работал репортером в газете Беньяминов, она приглашала его на

ужины, отправляла в творческий отпуск в свое загородное поместье. Говорят, была с ним близка. Его коммунистические взгляды ее не смущали: они с мужем мыслили широко, людей по партийной принадлежности не делили.

Беньямины фактически содержали Оперный театр. В своем обновленном дворце на музыкальных вечерах супруги прослушивали сопрано и теноров, и только после того, как они выражали одобрение, солистов утверждали на роли. Да и премьеры в Опере подстраивали под свободные вечера Эмилии. Но если она вместе с мужем эту премьеру финансировала – тут и подстроиться не грех.

Выглядела Эмилия царственно. Говорили, что она обращалась за помощью к пластическим хирургам – в то время уже делали первые круговые подтяжки лица. Но достоверных данных об этом нет. Про ее любовников ходили только слухи – со свечкой у постели никто не стоял, в скандалах она не фигурировала, громкие сплетни ее не сопровождали. И репутация ее была выше всякой критики. В 30-е годы глава государства Улманис, как известно, не женатый, на официальные мероприятия в качестве первой дамы Латвии приглашал Эмилию. Он знал: уж она-то не уронит престиж страны!

ТИХИЙ ЗАКАТ

У Беньяминов сложился удивительный тандем: романтичный идеалист Антон и практичная и волевая Эмилия. Они отлично дополняли друг друга. Сотрудница одного из их магазинов в Старой Риге вспоминает: когда к ним приходил Антон, все сотрудники, вдохновленные, летали как на крыльях, он для каждого находил доброе слово, покорял всех приветливостью и добротой, и они для него готовы были горы свернуть, а при виде Эмилии все начинали дрожать и прятались по углам, от ее взора не ускользал ни один промах.

Антон подавал Эмилии идеи, и она, воодушевленная, бралась реализовывать придуманное любимым мужчиной. У них не было детей – они создавали захватывающие совместные проекты. Намеревались выйти за рамки издательского дела. Планировали построить фабрики по производству фотографической пленки – на манер «Кодак», и уже купили под них землю. И воздвигли в Юрмале прекрасный особняк – дом мечты.

Но время взяло свое. В июне 1939 года Антон мирно ушел из жизни в своем поместье, на родной земле. Рядом с ним была верная подруга Эмилия. Поистине прекрасный финал – занавес его жизни

опустился вовремя, когда он находился на вершине славы и благоденствия.

В «дом мечты» на взморье Эмилия приехала одна. И его роскошь ее не радовала. Она чувствовала себя осиротевшей. Ушел из жизни ее король.

ИСТОРИЯ С ПРОИЦАНИЕМ ХИРОМАНТА ФИНКА

Ее классический вариант выглядит так. В 30-е годы огромной популярностью в Риге пользовался Эйжен Финк, наполовину цыган, талантливый фотограф и хиромант. Эмилия пригласила его на один из своих вечеров, чтобы он развлекал предсказаниями гостей, пообещала заплатить 100 латов за участие и попросила гадать всем бесплатно. Но Эйжен решил брать с гостей деньги. Рассказывают, что Эмилия на него разозлилась и не выплатила обещанные 100 латов. В ответ он упрекнул ее в жадности и злобно предсказал: «А вы умрете в нищете, на голых досках, и у вас даже подушки под головой не будет!»

Красивая история – тем более что предсказание сбылось. Но она вызывает сомнения. Дело в том, что Беньямины с Эйженом дружили, обменивались дарственными фотографиями. Эйжен относился к

Эмилии с большим теплом и уважением. Подзаработать на вечеринке с гаданиями Эйжен мог, но из-за невыплаченного гонорара с проклятиями на патронессу никогда бы не обрушился. Он же не дурак и себе не враг.

Скорее всего события развивались по-иному. Осенью 1939 года Германия и Советский Союз подписали договор о дружбе и взаимной границе. Все чувствовали, что дни независимой Латвии сочтены. Германия призвала прибалтийских немцев вернуться на историческую родину. Финк на правах друга потребовал, чтобы овдовевшая и потерянная Эмилия уехала вместе с немцами. Он как человек, чувствующий тонко и остро, понимал, что ничего хорошего гордую и независимую Эмилию в Латвию не ждет. Она отказалась покинуть родину. И тогда он в сердцах пригрозил ей кончиной в нищете и одиночестве. А народная молва соединила два события.

Финк оказался прав. Хоть вовсе этого не хотел.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

В июне 1940 года в Латвию вошли советские войска. К Эмилии Беньямин в полной мере относятся слова Анны Ахматовой. «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Она осталась в Латвии осознанно – даже послу Швеции, который предлагал ей брак, чтобы вывезти ее из страны, отказала.

Бывший воздыхатель Эмилии, Вилис Лацис, занял в Народном правительстве Кирхенштейна пост министра внутренних дел и по радио заявил, что надо срочно чистить министерства и все ведомства от реакционных элементов и врагов народа. Эмилия лишилась всех своих особняков, переехала в маленькую квартирку к сыну сестры и невестке. И каждый день ходила на прием к Вилису Лацису – ждала от него помощи. Но он отказывался ее принять и всячески способствовал ее скорейшей высылке. Хотел выслужаться перед новым начальством.

На что она надеялась? Верила в свою счастливую звезду? Что чувствовала, когда весь ее мир рухнул? И не в потере денег было дело, не в потере власти, а в том, что

В советское время в рижском особняке Беньяминов с комфортом устроились общества писателей, художников и композиторов. Бывший кабинет Антона Беньяминьша долгие годы занимал председатель Союза писателей Латвии Андрей Ушитис. Вилис Лацис получил две Сталинские премии и семь орденов Ленина – за книги и политическую деятельность.

исчезли все те ценности, в которые она верила. Об этом можно только догадываться.

Ее забрали ночью. В сентябре. В ссылку она отправилась в легком пальто, шелковом платье и туфлях на каблучках. Элегантная как всегда. В чемоданчике – ночная рубашка, смена белья и косметика. Ее ждал товарный вагон для скота, щели в полу между досками вместо туалета. Некоронованная королева Латвии через несколько дней умерла от голода и дизентерии.

О ПОТОМКАХ

Детей у Антона – пятеро. Дочери – Марта (1902), Мария (1887) и Анна (1889) и сыновья – Карлис (1884) и Янис (1892).

Марта вышла замуж за Минтаутаса Чаксте, сына первого президен-

та Латвии. Янис работал вместе с отцом в его изданиях, был журналистом и редактором международного отдела Jaunākās Ziņas. Выслан из Латвии, умер в 1941 году в советском лагере в Астрахани. Его жена вместе с тремя детьми в 1944 году бежала из Латвии, сумела добраться до США и осталась там. Их дочка Ева вышла замуж за фермера, тоже латыша, и у них родилось 10 детей.

Детальная судьба остальных детей неизвестна.

В 1926 году Эмилия с согласия Антона усыновила родного племянника – 12-летнего Юриса, старшего сына своей сестры Анны и актера Рудольфа Айшера. Она хотела, чтобы у нее был наследник ее крови, младший сын Анны остался при маме. В 1940 году Юрис Беньяминьш, одаренный химик, первый в Латвии специалист по цветной

фотографии, вместе с женой покинул Латвию. Они обосновались в Канаде, где он открыл собственную фабрику. Унаследовал после восстановления независимости Латвии поместье Valdeķu pils, которое так любил Антон. Ушел из жизни в 1998 году. Поместье на текущий момент принадлежит его детям.

Юрмальский особняк Беньяминов в 1950-х годах стал советской правительственной резиденцией. В 1995 году было восстановлено право собственности на дом для наследников Эмилии Беньямин: ее племянника Питера Айхера и приемного сына Юриса Беньяминьша. В начале 2000 года наследники Айхера приобрели доли наследников Юриса. Питер Айхер и его сестры Анна Мария, Катарина и Александра стали совладельцами особняка на Юрас, 13. ■

ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ ЛУДОЛЬФ ЛИБЕРТС

ГАЛИНА
ПАНЦ-ЗАЙЦЕВА

КОНСУЛЬТАНТ:
ИСКУССТВОВЕД
ЭДВАРДА
ШМИТЕ

ЭТО БЫЛА ЛИЧНОСТЬ ЯРКАЯ И СПОРНАЯ. ЕГО КАРТИНЫ ОБОЖАЛ НАРОД, ХУДОЖНИКИ С НИМ СЧИТАЛИСЬ, ПРАВИТЕЛИ СТРАНЫ УВАЖАЛИ. ЧТО ЖЕ В НЕМ СПОРНОГО? ИМЕННО УСПЕШНОСТЬ ЛИБЕРТСА НАВОДИТ МНОГИХ КРИТИКОВ НА МЫСЛЬ: ОН – НЕ НАСТОЯЩИЙ ТВОРЕЦ, КОТОРЫЙ «ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОЛОДНЫМ», А КОНЪЮКТУРЩИК И КОММЕРСАНТ ОТ ИСКУССТВА. ОДНА ИЗ НЕДАВНИХ СТАТЕЙ О НЕМ ТАК И ОЗАГЛАВЛЕНА: «ХУДОЖНИК С ДУШОЙ ТОРГОВЦА». А ВСПЛЕСК ИНТЕРЕСА К НЕМУ В НАШЕ ВРЕМЯ СЧИТАЮТ ВЫГОДНЫМ ПРОЕКТОМ ОДНОГО ИЗ ЛАТВИЙСКИХ БАНКОВ. МОЖЕТ БЫТЬ И ТАК.

Но когда один богатый рижанин влюбился и захотел, чтобы дама его сердца видела из окна своей квартиры не глухой кирпичный брандмауэр, а нечто прекрасное, он нанял мастеров, и за 10 000 евро они скопировали на стену картину Либертса «Вид на дворец дождей». И через нее объяснился в любви. Уже 17 лет картина украшает тихий двор на улице Стрелниеку, и на нее приходят смотреть туристы.

ТИРЗА – ЗАДВИНЬЕ – МОСКВА

Лудольф родился в 1895 году в имении Тирза Мадонского края, в семье крестьянина-арендатора. Он любил рисовать, не расставался с карандашами, отлично успевал по всем предметам в сельской школе, и когда родители увидели, насколько мальчик талантлив, то перебрались в Ригу, чтобы дать ему приличное образование, или, как тогда говорили, «поднять сына». Шел ему 12-й год. Поселилась семья в Торнякалнсе. И Лудольф навсегда полюбил Задвинье с его тихими улочками и деревянными двухэтажными домиками, утопающими в сирени весной, в сугробах – зимой.

УЧЕНИКИ КАЗАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ. ЛИБЕРТС В ЦЕНТРЕ, 1912 г.

Он все схватывал на лету: и как картины писать, и как себя продвигать. В качестве поощрения ему предложили принять участие в выставке объединения «Мир искусства». Его картины висели рядом с работами Бакста и Бенуа, что для студента было огромным достижением. И спустя годы в Риге он об этом скромно напоминал.

В Риге Либертс учился живописи в студии декоративно-прикладного искусства. Ему прочили будущее отличного декоратора. И в 1911 году он отправился продолжать образование в Москву в Строгановское художественно-промышленное училище. В Строгановке царил дух сурового академизма, и студентов обучали самому истинному, традиционному реалистическому искусству. Лудольф исправно посещал занятия.

Вне школьных стен буйная художественная жизнь была ключом. И юноша с восторгом наблюдал, как в московском объединении «Бубновый валет» блистали, устраивали выставки, скандалили и даже дрались абстракционист Василий Кандинский и супрематист Казимир Малевич, кубисты и футуристы Владимир и Давид Бурлюки, Наталья Гончарова, Натан Альтман. Написанные молодыми

художниками картины возмущали обывателей, бесили критиков и восхищали поэтов.

Либертс жадно впитывал в себя новые впечатления, его подхватил ветер свободы, и он наконец-то понял, чего хочет по-настоящему – заниматься живописью, творить как душа пожелает, а не «прикладывать» свое творчество к архитектуре, интерьеру, шкафам и полочкам, как было намечено ранее.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

И Либертс внезапно бросил Строгановку и уехал в провинциальную Казань, чтобы поступить в Императорское художественное училище, основанное по высочайшему указу в 1895 году, молодое, как и он, без вековых традиций и без величавых мэтров, но зато – живое. ►

ДОМ НА УЛ. СТРЕЛНИЕКУ

«ВОСТОК», 1912 г.

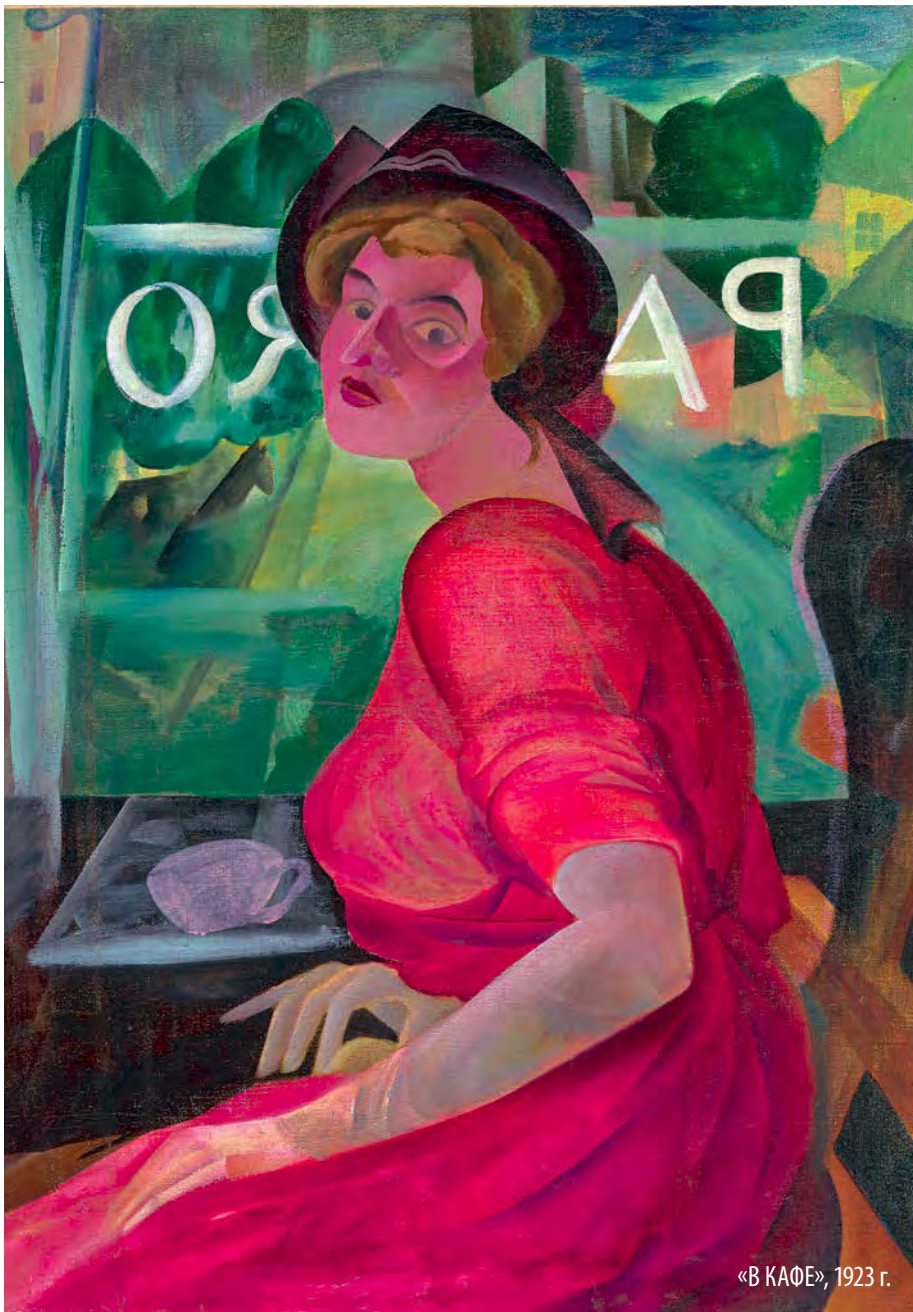
Он все схватывал на лету: и как картины писать, и как себя продвигать. В качестве поощрения ему предложили принять участие в выставке объединения «Мир искусства». Его картины висели рядом с работами Бакста и Бенуа, что для студента было огромным достижением. И спустя годы в Риге он об этом скромно напоминал.

Вместе с Либертсом в Казани учился его соотечественник, в будущем знаменитый скульптор, создатель памятника Свободе Карлис Зале, который стал близким другом Либертса. В училище часто приезжали делегации футуристов, чтобы стихи почитать, про гибель старого искусства порассуждать, народ поэпатировать. Однажды

Казалось бы, как трепетный художник может командовать артиллерийским расчетом? Однако он достойно справлялся со службой. Он воевал на передовой, был трижды ранен, после излечения всякий раз возвращался в строй.

перед студентами выступал Маяковский – наглый, красивый, с морковкой в петлице пиджака – и славил футуризм. Это сильно не понравилось Зале, и он, невысокий и коренастый, мячиком выпрыгнул из зала на сцену, подскочил к двухметровому Маяковскому и принялся трясти того за грудки. Маяковский от такой наглости ошалел, но тут появился

Либертс, отцепил Зале от поэта, пошутил что-то насчет пылкости обоих, вернулся с другом в зал, и инцидент был исчерпан. Драки не случилось. Скандала – тоже. Так на студенческих собраниях Либертс «оттачивал» свои дипломатические способности, которые впоследствии позволили ему руководить объединением латвийских художников.

«В КАФЕ», 1923 г.

«ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ», 1923 г.

«НАТЮРМОРТ С ЦВЕТАМИ», 1930 г.

ВОЕННЫЙ ОПЫТ

Он окончил училище в 1915 году. Шла Первая мировая война, всех выпускников мобилизовали и направили в Александровское военное училище. И в 1916 году юнкер Лудольф Либертс отправился служить в артиллерийские войска.

Казалось бы, как трепетный художник может командовать артиллерийским расчетом? Однако он достойно справлялся со службой. Через несколько месяцев ему предложили перевестись в латышский стрелковый полк. Там служили многие художники. Будучи «национальным достоянием», они находились в привилегированном положении и практически не принимали участия в боях. Но Либертс отказался менять «диспозицию». Он воевал

на передовой, был трижды ранен, после излечения всякий раз возвращался в строй. Состоял, по слухам, в Красной армии – а точнее, вместе с частями, которые перешли на сторону Советов, удерживал фронт во время переговоров с немцами о заключении Брестского мира. Побывал в немецком плену. И, наконец, в 1921 году вернулся в независимую Ригу, в родной Торнякалнс. К маме и папе. К живописи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Либертсу как опытному боевому офицеру предложили солидный пост в военном министерстве. Он отказался, так как навоевался на всю жизнь и мечтал о мире и живописи. Стал

работать художественным редактором и карикатуристом в сатирическом журнале «Хо-хо». Вокруг журнала собралась веселая компания художников – Роман Сута, Александра Бельцова, Уго Скулме. Статьи писали Райнис и Судрабкалнс. Либертс наслаждался давно забытой творческой атмосферой и очень много писал. Его привлекал городской пейзаж: Торнякалнс, окраины, виадуки. Он потом будет менять и стиль, и манеру живописи, но в его полотнах всегда будет движение, очень много чувства и цвета, насыщенного, густого и в то же время – легкого. И оптимизма.

В 1923 году он устроил свою первую персональную выставку. И его пригласили преподавать в Академию художеств. ►

ДЕКОРАЦИЯ К ОПЕРЕ
«ЮДИФЬ», 1927 г.

ЭСКИЗ
КОСТЮМА,
1927 г.

ЭСКИЗ
КОСТЮМА,
1928 г.

Он выходил на бис счастливый и смущенный, во взятом напрокат смокинге, который сидел чуть кособоко и жал под мышками. Но это было уже неважно. Отныне смокинги он будет заказывать у лучших рижских портных.

взвился занавес, зал взорвался овациями, так прекрасен оказался на сцене Восток, придуманный Либертсом.

Он выходил на бис счастливый и смущенный, во взятом напрокат смокинге, который сидел чуть кособоко и жал под мышками. Но это было уже неважно. Отныне смокинги он будет заказывать у лучших рижских портных.

ЛЮБОВЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Либертса пленила оперная солистка красавица Аманда Рейбане. Наполовину латышка, наполовину эстонка, она, как и Либертс, была из небогатой семьи, училась и долго работала в России, но вернулась в Латвию в 1925 году – здесь у нее было больше шансов петь ведущие партии.

Либертс сразу почувствовал в ней родственную душу, честолюбивую и

амбициозную. В 1926 году они поженились, и у них сложился великолепный тандем. Аманда продвигала мужа-сценографа – ее приглашают на гастроли в Загреб и предлагают роль в новой пьесе, а она сообщает, что у нее муж – великолепный театральный художник. На его работы обращают внимание и предлагают писать все декорации. Либертс обсуждает с режиссером будущую постановку и вовремя вворачивает имя жены как идеальной исполнительницы. Да, непотизм – а как же без него в театре? Ему шли навстречу – потому что Аманда была талантлива и дьявольски работоспособна. И он, и она быстро поднимались по карьерной лестнице. Либертса приглашали писать декорации в театры Литвы, Швеции, Финляндии, Болгарии и Хорватии. Аманда исполняла ведущие оперные партии.

ЖА-РПТИЦА УСПЕХА

В 1924 году главный режиссер Национальной оперы Петр Мельников предложил ему должность сценографа. Либертс был счастлив и согласился сразу. Вскоре состоялась премьера оперы Моцарта «Похищение из сераля». Написанные маслом на холстах декорации были богатыми, красочными и в то же время игривыми. Когда перед третьим актом

«ВЕНЕЦИЯ», 1930 г.

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Аманда писала, что за годы брака отношения в паре «не омрачило ни единое облачко». Она называла мужа лучшим другом, наставником и критиком, которому полностью доверяет. И в своих интервью и письмах указывала, что у них нет никакой иной жизни, как только жизнь в искусстве, ради которого они пожертвовали всем.

Насчет жертв – это чистая правда: у них с Лудольфом не было своих детей, так как и он, и она полностью посвятили себя искусству. Кстати, не было своих детей и у их близких друзей – скульптора Зале и его супруги. В то время это было частое явление в семьях творческих людей. Правда, Лудольф и Аманда удочерили девочку Яну.

Ни Либертс, ни Аманда за все годы брака ни разу не дали бульварным газетам повода для сплетен.

При такой популярности обоих это редкая черта, говорящая о глубоком взаимном уважении.

СМЕНА КУРСА

20-е годы завершились экономическим кризисом. Мир стал жестче, а мода и образ жизни по контрасту и для равновесия – мягче. Чувственное танго одержало верх над чарльстоном, мужские широкополые шляпы затеняли глаза, изящные платья подчеркивали гибкость женской талии. Живописная манера Лудольфа тоже стала мягче, он отошел от экспрессионизма с его четкими линиями и утонул в импрессионизме.

В 30-е годы Либертс много путешествовал. Его всегда радовал Париж, влекли Стокгольм и Вена, но Венеция пленила раз и навсегда. Возможно, в ней с ее тихими водами, обветшалыми дворцами и многолюд-

ными площадями он находил что-то и от Задвинья – уют, камерность, и от Парижа – блеск и значительность. Он превратился в певца городского пейзажа. В его картинах появилась сказочность. Они, как всегда, полны движения, на них ветер гонит облака по небу, морщит гладь воды в венецианском канале. Они обещают счастье: влюбленные встретятся, кораблик доплывет, праздник продолжится, боль утихнет, радость вернется, неприятности преходящи и даже горе отпустит со временем.

САЛОННЫЙ – ЭТО ЗНАЧИТ НАРОДНЫЙ

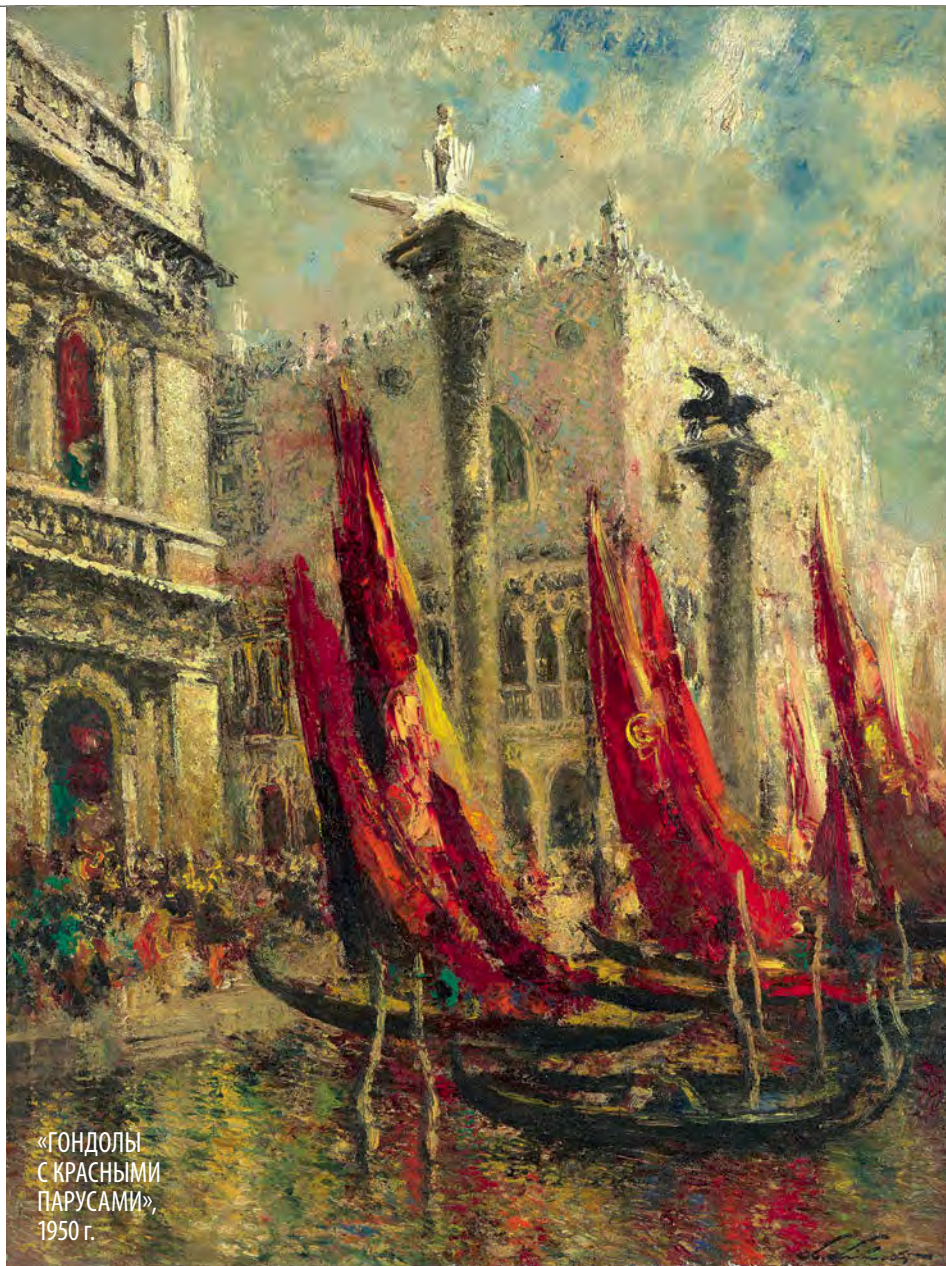
В 1934 году он устроил феерическую выставку в частном доме на улице Алтонавас – в роскошном интерьере ар-деко, среди мрамора, драгоценного дерева и металла. На диванах и креслах Либертс небрежно ►

«ПОРТРЕТ
ХУДОЖНИКА»,
1930 г.

«БОЛЬШОЙ КАНАЛ
В ВЕНЕЦИИ», 1930 г.

«ГОНДОЛЫ
С КРАСНЫМИ
ПАРУСАМИ»,
1950 г.

раскидал свои картины и рисунки – примерно 130 штук. Обычно его полотна стоили от 400 до 1000 латов. А сейчас он предлагал купить пейзаж за 30–40.

За несколько дней выставку посетили 400 человек, были раскуплены все картины. Либертс радовался и повторял: «Куда лучше, чтобы картины шли в народ, чем если бы крысы сгрызли их в сараюшке». Это было камешком в огород некоторых художников, которые писали много, пытались продать написанное за высокую цену и терпели неудачу из-за мрачности темы и угрюмых красок.

Отныне в Латвии не было ни одной приличной семьи, гостиную которой не украшали бы или венецианский

«Куда лучше, чтобы картины шли в народ, чем если бы крысы сгрызли их в сараюшке». Это было камешком в огород некоторых художников, которые писали много, пытались продать написанное за высокую цену и терпели неудачу из-за мрачности темы и угрюмых красок.

пейзаж Либертса, или парижские бульвары, или улочки Стокгольма. Нельзя не восхищаться предприимчивостью художника, который преумножал свою популярность день ото дня. И тем не менее – никто бы не покупал его полотна, если бы они не дарили людям радость и причастность к роскошному празднику.

ЛИБЕРТС И ПОЛИТИКА: НЕМНОГО ОБ УЛМАНИСЕ

В 1934 году к власти пришел Карлис Улманис. Он намеревался превратить многонациональную Латвию в латышское государство. Улманис недолго любил немцев, и ему требовался красивый исторический миф о том, какими были латыши до

прихода на территорию нынешней Латвии немецких рыцарей. И Либертс написал для Рижского замка портреты четырех древних предводителей латышского народа. Это мудрые и могучие воины – сказочные, конечно, но достойные и поднимающие народную самооценку: «Вот какими мы себя видим!» Улманис, как и большинство диктаторов, был романтиком в душе и Либертса за его эмоциональность ценил. Заказал ему свой портрет. Многие этот портрет критикуют – мол, плоский и невыразительный. А президенту, говорят, он понравился.

В 1937 году Либертс ушел из Национальной оперы – в ней все чаще ставили национальные спектакли и все реже – зарубежную классику и зарубежные новинки. Работа стала для Либертса неинтересной. На прощанье он завоевал Grand Prix Парижской выставки по сценографии. И дождался нового назначения: Улманис поставил его во главе Монетного двора.

СМЕНА ВЛАСТИ. ВОЙНА. ЭМИГРАЦИЯ

Наступил роковой 1941 год, грянула Вторая мировая война. Ригу заняли немцы. Либертс продолжал работать, преподавать и руководить Монетным двором. Он не планировал покидать Латвию, если бы не совершил одного рокового для него поступка.

В Оперном театре потребовалось срочно провести торжественное собрание, посвященное очередному дню рождения Гитлера. И вдруг руководство Оперы в последний момент спохватилось: нет ни одного масштабного портрета фюрера, возле которого нужно цветы ставить и речи говорить. И пришли в ужас. Что делать? Обозленные приближающимся крахом на Восточном фронте немцы такой оплошности не простят. Кто способен всех выручить и быстро написать портрет вождя? Конечно Либертс! К нему бросились за помощью. И он по фотографиям за одну ночь состряпал вполне приличный портрет Гитлера. Об этом мероприятии написали газеты – кое-где был виден портрет, упомянут автор.

Либертс ушел из жизни в 1959 году в Нью-Йорке признанным, почитаемым и любимым. До последнего момента рядом с ним была жена, его окружали друзья. Аманда позаботилась о его работах, многие из них вернулись в Латвию.

А друзья ему хором сказали: «Ты что сделал? Тебе же этот портрет припомнят! Вот-вот советские войска в Ригу войдут, ты что, не помнишь, как все в 40-м году было?» Он помнил. И поэтому собрался с фантастической скоростью, оставил в доме престарелую маму, картины и наброски, эскизы театральных костюмов. В 1944 году Либертс вместе с женой уехал сначала в Австрию, потом – в Германию и США. Он надеялся, что вернется, что все изменится и некая высшая справедливость восторжествует. Но ни маму, ни свой дом, ни Ригу Либертс больше никогда не увидел.

ЭМИГРАНТСКАЯ ДОЛЯ

В США он прожил с 1950 по 1959 год. В 1951 году стал преподавать курс живописи маслом в Нью-Йоркском колледже искусств. Возглавил художественный совет музея в Тримде. И очень много

писал – пейзажи Нью-Йорка и Калифорнии, виды покинутой родины. Именно его картину «Башни Риги» вручили президенту США Дуайту Эйзенхауэру в 1952 году от Американского объединения латышей, и она украшала кабинет президента до конца его правления. Картины Либертса прекрасно раскупались.

Либертс ушел из жизни в 1959 году в Нью-Йорке признанным, почитаемым и любимым. До последнего момента рядом с ним была жена, его окружали друзья. Аманда позаботилась о его работах, многие из них вернулись в Латвию.

Его работы и сейчас на волне, они находят почитателей, так как в них есть оптимизм, гармония и чувства. Есть и некая тихая, упрямая стойкость и сила, может быть, унаследованная от тех самых предков, которых он так славно изобразил в 30-е годы, а также способность меняться – внешне, без изменения сути. ■

избранные

**«ЛЕТИТЕ
СОМНОЙ
НА МАРС»**

ГАЛИНА
ПАНЦ-
ЗАЙЦЕВА

ЛЕГЕНДА ЛАТЫШСКОГО ТЕАТРА
ЭДУАРД СМИЛЬГИС

ПАПА СКАЗАЛ, СЫН СДЕЛАЛ

Он родился в ноябре 1886 года в Риге, в семье Яниса и Хедвиги Смильгисов. Отец был католиком литовского происхождения, мама латышка, лютеранка. На девятый день после их венчания и появился на свет Эдуард.

Мальчика крестили в католичество и отдали в католическую школу в Старой Риге, где давали прекрасное образование. Отец часто водил всю семью в немецкий театр, и впечатлительный мальчик захотел стать актером. Но папа сказал, что нужно получить «настоящую профессию», актерство не прокормит. И Эдуард не бунтовал, а послушно пошел изучать конструкторское дело в немецкое ремесленное училище.

Отец умер в 49 лет от рака. И юный Эдуард стал старшим мужчиной в семье. Каждое утро он шел к шести утра на машиностроительный завод Мантейля, где работал учеником чертежника до шести вечера. А вечером продолжал учебу в училище. И мечтал о сцене.

«ВПЕРЕД, НА МАРС!»

В 1905 году Эдуард стал дипломированным конструктором. Талантливый и прилежный парня пригласили на высокооплачиваемую должность на завод «Мотор», где создавали авиационные моторы. Это был фантастический период в его жизни.

Там работал знаменитый Фридрих Цандер, занимавшийся, как и Циолковский, проектами космических полетов. И конструкторы всерьез обсуждали возможность полетов на другие планеты. Смильгис с огромным воодушевлением воспринял девиз Цандера: «Вперед, на Марс!» И сделал его трендом своей жизни, только романтизировал немного: «Летите со мной на Марс, на Марсе яблони цветут!» Он часто повторял эту фразу своим актерам.

И все же Смильгис уже знал, что его жизнь – в театре.

ВЫХОД НА СЦЕНУ

Смильгис методично выстраивал свою актерскую карьеру. Он работал на заводе и одновременно играл в

разных полупрофессиональных театрах, брал уроки пения, посещал Школу сценического мастерства при Немецком театре, во время командировок ходил в Москву по всем театрам, знакомился с шедеврами Мейерхольда и Таирова. Его игру заметили, и в 1912 году пригласили на постоянной основе в труппу Нового театра. Только тогда он оставил завод.

Смильгис блистал в романтических и пафосных пьесах Райниса. Он первым сыграл Индулиса в «Индулисе и Арии» и Улдиса в «Вей, ветерок!». Но в воображении он создавал иные постановки, в которых возвышенность католической мессы смешивалась с фантастикой межпланетных полетов. Он задумался о собственном театре.

ЛЮБОВЬ

И тогда же Смильгис страстно влюбился в БERTУ АБОЛИНЮ, милую, очень темпераментную суфлершу, а позже актрису Нового театра. БЕРТА была на пять лет старше него и умела, пусть с обидой, но все-таки выносить перепады его настроений, вспышки страсти и периоды забвения.

Когда восьмилетний Эдуард получил от папы первые карманные деньги, он купил на базаре на всю сумму голубей и выпустил их на волю.

Точно неизвестно, когда начался этот роман. Про Смильгиса вообще мало достоверных сведений – это поражает всех, кто изучает его жизнь. Он никогда не вел дневники. Письма писать не любил, а если кому и писал, то все его послания почему-то бесследно испарялись. Информация из рассказов друзей противоречива, официальных документов сохранилось мало.

В 1914 году отношения с БERTОЙ были в разгаре – и самовлюбленный, как все актеры, Смильгис одну за другой дарил ей свои портретные фотографии. Началась Первая мировая война, и в 1915 году они вместе с БERTОЙ, его мамой и всей

В РОЛИ ИОСИФА В СПЕКТАКЛЕ, КОТОРЫЙ СМИЛЬГИС САМ ПОСТАВИЛ ПО ПЬЕСЕ РАЙНИСА «ИОСИФ И ЕГО БРАТЯ»

театральной труппой эвакуировались в Петроград. Там Новый театр ставил спектакли, но латышская диаспора была невелика, билеты расхodziли плохо, пожертвований и вовсе не было. А тут еще революция и разруха с голодом. Денег на жизнь катастрофически не хватало. Любимая женщина попрекала его «крайним эгоизмом», мама просто вздыхала. И Смильгис по уже знакомой ему схеме днем работал как инженер, вечером играл в театре, если было время.

Он служил в Министерстве земледелия, занимался трофейной техникой. Придумал, как избежать перегрева вагонных тормозных систем, и получил очень солидную ►

В РОЛИ УЛДИСА
В СПЕКТАКЛЕ
«ВЕЙ, ВЕТЕРОК»

Ed. Smilgis un Lilija Erika.
В СПЕКТАКЛЕ ПО ПЬЕСЕ АСПАЗИИ «ВЕДЬМА»

премию – хватило на каракулевую шубку и бриллиантовый перстень с аквамаринном для Берты. Правда, по другой, неподтвержденной информации, он состоял в Высшем военном совете Петрограда и просто получал часть зарплаты вещами.

ЧЕКИСТ

А потом Смильгис стал представителем Чрезвычайной комиссии на разгрузке в Архангельском порту гуманитарной помощи. Антанта послала ее Белой армии, а досталась она Красной. И там были не только мыло, соль, спички, сахар, но и деликатесы, роскошное женское белье, духи и брюссельские кружева. Англичане требовали грузы вернуть,

В сценической обуви для него делали такие высоченные внутренние каблочки, что удержаться на ногах в этой обуви уже было искусством. Но чего не сделаешь ради нущеого эффекта! Играли же древние греки на котурнах, чтобы публика замечала актеров с любого расстояния.

новая власть этого не хотела и отправила в порт комиссию.

Смильгис приехал на север и обнаружил, что ввязался в страшное дело. Стали погибать капитаны английских кораблей и исчезать члены комиссии. Потом вдруг вышел приказ об аресте Смильгиса и выдаче его Революционному трибуналу, что грозило расстрелом без суда. Тут Смильгис исчез. И год

пропадал неизвестно где. Говорят, что он был на юге, в Одессе, именно поэтому так классно поставил потом, в 1940 году, «Интервенцию».

Известно, что в 1920 году он вновь объявился в Питере, забрал Берту с мамой и привез в независимую Латвию. Говорят, что его позвал сам Мейеровиц – автор латвийской независимости и большой любитель

театра. Он чувствовал в Смильгисе не просто актера, но и мощного организатора.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

За время скитаний Смильгис в деталях продумал образ уникального театра, который был ближе всего к героическому романтизму режиссера Таирова. Рассказал о нем друзьям. Его поддержали Мейеровиц, Янис Райнис и Янис Мунчис, талантливый художник и декоратор.

В 1920 году театр «Дайлес» был создан. Его первым директором стал Янис Райнис. Но он довольно скоро отказался от должности в пользу Смильгиса. Он не умел красиво говорить, был депрессивным, ипохондричным и слишком погруженным в себя.

А Смильгиса люди поддерживали всегда. Он обладал невероятной харизмой и отлично играл не только на сцене. Он выглядел и вел себя как настоящий лев. Черноволосый, невысокий, с большой головой и гривой зачесанных назад волос. Он временами не говорил, а рычал, раскатисто и грозно произнося букву «р». В сценической обуви для него делали такие высоченные внутренние каблуки, что удержаться на ногах в этой обуви уже было искусством. Но чего не сделаешь ради пушшего эффекта! Играли же древние греки на котурнах, чтобы публика замечала актеров с любого расстояния.

ЕГО ТЕАТР

Детище Смильгиса – визуальный театр, где пластика, декорации и музыка играли равную роль. Актер не стремился быть «как в жизни». От него требовали вести себя «как в театре». Смильгис называл себя не «режиссером», а «инсценировщиком». Режиссером в его театре была Фелицита Эртнере, которая получила прекрасное образование в Петербурге.

Смильгис строил спектакль как инженер – технически и визуально. Он находил решения для декораций и света, знал идею, видел все мизансцены, слышал музыку. Остальное делали Фелицита и другие режиссеры.

И источник его творчества заключался в нем самом. В его фантазии.

Смильгис строил спектакль как инженер – технически и визуально. Он находил решения для декораций и света, знал идею, видел все мизансцены, слышал музыку.

Актеры и режиссеры театра «Дайлес» путешествовали, посещали Париж, Лондон, Вену, Рим. Смильгис читал, смотрел кино и фантазировал. Как режиссер он присваивал себе все, что ему нравилось, и перерабатывал в своих постановках. Как Гете писал: «Все, что создало до меня человечество, принадлежит мне». Смильгису могли утром рассказать историю, вечером он уже азартно излагал ее на публике, не смущаясь присутствием рассказчика, а через месяц ее мотивы звучали в какой-то мизансцене.

ЕГО ЖЕНЩИНЫ

Дамы его обожали. Он тоже любил женщин – в свободное от работы время. И женился на Берте в 1922 году – из чувства долга, после рождения первого сына. А через полтора года после рождения второго они развелись. Берта пришла к нему за кулисы во время спектакля и сказала, что уходит от него, так как устала от его эгоцентризма. Впрочем, дружеские отношения они продолжали поддерживать.

По слухам, близким другом Смильгиса, а периодически и возлюбленной, была Фелицита Эртнере. Но второй его истинной любовью в начале тридцатых годов стала актриса Лилия Штейнгеле.

Ее жизнь достойна приключенческого романа. Скромная учительница из Олайне в 18 лет переехала в Ригу, пленила режиссеров красотой, играла в Русском театре, после революции с антрепризой гастролировала по югу России, получила приглашение в один из питерских театров, но отказалась, и вместе с остатками Белой армии (и, по слухам, с любовником) эмигрировала в Стамбул. Провела в Турции два года, появилась в Вене и Берлине похорошевшая и со средствами. В 1923 году ей предложили вступить в труппу Рижского Русского театра, она согласилась. И была столь хороша и соблазнительна, что вся латышская публика приходила «смотреть на Штейнгеле».

Они со Смильгисом подходили друг другу: для каждого театр был важнее любви. Лилия написала ему массу писем. Почему-то ни одно ►

письмо Смильгиса к ней не сохранилось. В 1944 году она покинула Латвию и оказалась в США. А Смильгис остался в Риге и возобновил отношения с Фелицитой Эртнере. Во всяком случае, о том, что та была его «гражданской женой», упоминала Вия Артмане, работавшая в театре «Дайлес».

СМИЛЬГИС И УЛМАНИС

Смильгис умел добывать деньги и с невероятной легкостью тратить все, что получал на театр от государства и меценатов. Когда в бюджете театра возникала очередная громадная дыра, он поправлял галстук и уходил договариваться. Возвращался с улыбкой: «Можете тратить дальше, нам списали все долги!»

Карлис Улманис, возглавивший государство с весны 1934 года, был человек хозяйственный и практичный и такого безобразия выдержать

ФЕЛИЦИТА ЭРТНЕРЕ

ЛИЛИЯ ШТЕЙНГЕЛЕ

Дамы его обожали. Он тоже любил женщин – в свободное от работы время.

С ЖЕНОЙ БЕРТОЙ

не мог. И он отобрал у Смильгиса директорский пост и всю бухгалтерию, оставив его в театре в качестве художественного руководителя.

Отношения с Улманисом были с самого начала непростыми. Смильгис поставил осенью 1934 года шекспировского «Юлия Цезаря» и сам сыграл главную роль. История про то, как демократический лидер превращается в тирана и гибнет от руки лучшего друга, не простившего предательства идеалов, Улманису не понравилась. И по его настоятельному совету после нескольких представлений спектакль сняли.

Смильгис не протестовал. При любой власти он делал все, чтобы театр «Дайлес» жил.

ТОНКОСТИ ДИПЛОМАТИИ

В 1940 году в Латвию вошли советские войска. И Смильгис поставил пьесу «Интервенция», про гражданскую войну на юге России, во время репетиций обращаясь к актерам: «Товарищ».

Когда в Ригу пришли немцы, он заговорил с ними на немецком языке, и они восстановили его в должности директора театра. Он ставил Шекспира и защищал своих. Одну из ведущих актрис театра, чей муж был близок к коммунистам, отправили в Саласпилс. Смильгис написал заявление властям, в котором объяснял, насколько она ценна для театра и безопасна для Германии. И ее отпустили. А когда актеру Леониду Лейманису, который создал группу Сīņa («Борьба»), чтобы спасти евреев и красноармейцев, понадобились фальшивые документы, именно Смильгис выправил для него все бумаги и спас ему жизнь.

В 1944 году, в период междувластия, он с актерами по ночам дежурил в театре, чтобы его не разграбили. Все вместе боялись, пили водку и травили анекдоты. Он уговаривал актеров не убегать с немцами, и почти все поверили ему и остались.

Советская власть Смильгиса обласкала: и Сталинская премия, и

звание народного артиста СССР. Персональный особняк не отобрали. Он сразу же поставил революционную пьесу «Спартак» – прекрасно поставил, надо сказать. И в пятидесятые годы брал на работу тех, кто вернулся из ссылки, что было совсем не принято.

Он никогда не состоял ни в одной партии, ни во времена Улманиса, ни в советское время. Единственная организация, в работе которой он принимал участие – Общество дружбы СССР и Латвии. Позже искали документы – не сотрудничал ли он с КГБ. Но ничего не нашли.

Оба сына Смильгиса от первого брака пропали без вести в период Второй мировой войны. Он не мог о них ничего узнать, и с этим он жил долгие годы. Никому не жаловался, никогда не рассказывал о своей боли и горестях. Все носил в себе. Не доверял ни людям, ни бумаге.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Смильгис очень любил Шекспира, но никогда не ставил «Короля Лира» и не играл роли стариков. Он стремился к юности и к молодежи. Набирался от них идей и энергии.

В 58 лет его вместе с другими представителями интеллигенции отправили на курсы марксистско-ленинской философии. И там он увидел очаровательную восемнадцатилетнюю девушку. Зигрида собиралась поступать в медицинский институт и перед экзаменами слушала тот же курс. Смильгис стал за ней ухаживать, и Зигрида принимала его внимание с трепетом. Он был легендой, полубогом, живой историей. Смильгис предложил ей выйти за него замуж в кабинете своего дома в Агенскалнсе. Показал из окна сад и сказал: «Ты будешь сидеть здесь и ждать, пока я вернусь из театра!» И она согласилась.

В счастливом браке родились двое детей, дочь Ая и сын Янис. Ая вспоминает, каким нежным и терпеливым отцом был Смильгис, как он ее баловал. Ей было шестнадцать, когда он ушел из жизни. За четыре года до смерти у него забрали его театр. Возможно, в этом был резон: силы уже не те, театр требует перемен. Смильгис был в ►

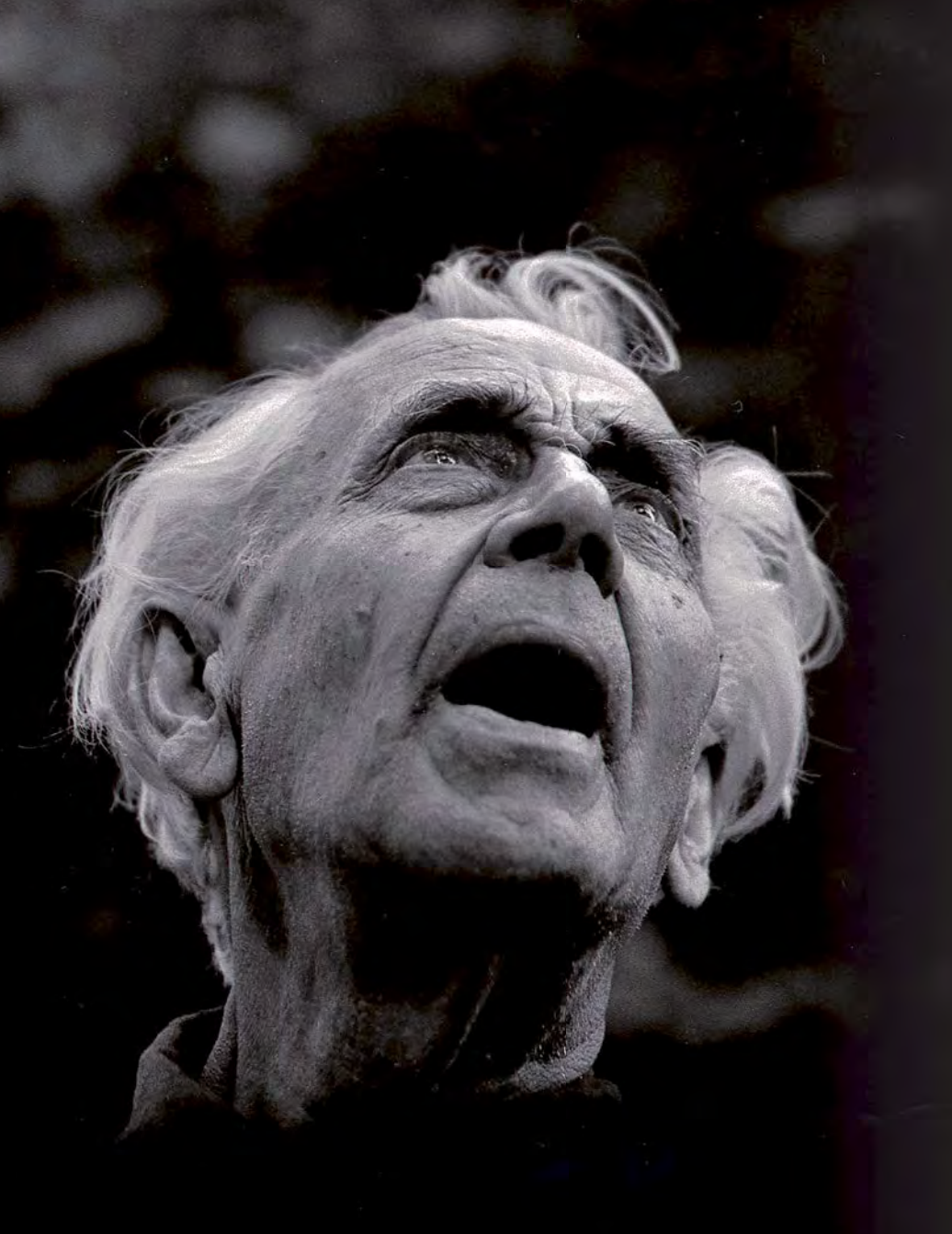

В ОСОБНЯКЕ, ГДЕ СМИЛЬГИС ЖИЛ И ТВОРИЛ, СЕЙЧАС НАХОДИТСЯ МУЗЕЙ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

На Смильгиса злились и ворчали, против него бунтовали и интриговали, но без него не могли обойтись. Он видел будущее и увлекал за собой. А без цели и без блеска в глазах нет счастья в жизни. Он никого не учил, но у него полно великих учеников.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ СМИЛЬГИСА
ЖЕНА ЗИГРИДА

Его ученик Эдуард Павулс рассказывал: когда Смильгис заболел и лежал в больнице, никто его не навещал, потому что все боялись – не знали, вдруг он не хочет предстать перед труной слабым, вдруг разгневается и выгонит.

ФОТО ГУНАРА БИНДЕ

шоке. Он просил оставить его имя хотя бы только на афишах, обещал не вмешиваться в постановки. Но ему отказали.

ГЕНИЙ ТЕАТРА

Смильгис был ярким человеком – гениальный, властный, чудаковатый. В преклонном возрасте красил волосы в жгучий черный цвет, чтобы седина не пробивалась – не всегда аккуратно и вовремя, но на это никто не обращал внимания. На его рубашках часто не хватало пуговиц. Он мог под смокинг надеть нижнюю рубашку и выйти в ней на люди. А как грозно он умел кричать на всех, кто попадался под руку! Вия Артмане вспоминает, как на первой

репетиции тихо вошла в зал и села в четвертом ряду. И Смильгис зарычал, чтобы она немедленно и навсегда убиралась из театра. Она очень испугалась, но ей объяснили, что артисты не должны сидеть в зале ближе шестого ряда, иначе панораму сцены не охватить. Некоторых актрис он по пятнадцать раз «выгонял», пока они наконец запомнили это.

На Смильгиса злились и ворчали, против него бунтовали и интриговали, но без него не могли обойтись. Он видел будущее и увлекал за собой. А без цели и без блеска в глазах нет счастья в жизни. Он никого не учил, но у него полно великих учеников – с них хватило того, что они творили рядом, в присутствии мастера. ■

БЛАГОДАРИМ
ЗА ПОМОЩЬ
В СОЗДАНИИ МАТЕРИАЛА
ЯНИСА СИЛИНЬША,
РУКОВОДИТЕЛЯ
ТЕАТРАЛЬНОГО
МУЗЕЯ ИМ. ЭДУАРДА
СМИЛЬГИСА.

ОТДЕЛЬНАЯ
БЛАГОДАРНОСТЬ
АЙЕ ВИГНЕРЕ-
СМИЛЬГЕ,
ДОЧЕРИ РЕЖИССЕРА.

ФОТО: ГУНАРС БИНДЕ